

ЗАПИСКИ
КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКОГО
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.
Книжка XXII, выпускъ 4-й.

А. Н. Дьячковъ-Чарасовъ.

А Б А Д З Е Х И.

(Историко-этнографический очеркъ).

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго, Головин. просп., № 12.
1902.

Абадзехі.

(Историко-этнографический очерк).

I.

Географический обзоръ Абадзехі: границы, орографія, гидрографія, климатъ, почва, флора, фауна, ископаемые, минеральные...^{сырьё}.

Территорія Абадзехі, по даннымъ 1830—1864 годовъ, занимала : пространство въ 7150 квадратныхъ верстъ.

Западная ся граница шла по р. Шебшу, по притоку постѣдняго Догуай, по р. Псекабе, т. е. отъ нынѣшняго селенія Шабаниновскаго, мимо станицы Ставропольской, до нынѣшняго сел. Григорьевскаго. Близъ нос. ляяго сходились границы владѣній трехъ адѣтскихъ племенъ: абадзехъ (абедзахъ), шапсуговъ (шапсугъ) и бжедуховъ (бзедухъ). Северная граница проходила близъ станицъ Калужской, Пензенской, Бакинской, Чечноморской, Черниговской, Пшежекой, затѣмъ подымалась вверхъ по Бѣлой (Схагуаше, по-абадзехски), проходила мимо Майнъя да далѣе черезъ р. Фарсъ къ р. Псефиру (Псефюръ, по-абадзехски). Восточная подымалась вверхъ по Псефиру, пересѣкала истоки Ходза и Чегса и мимо горы Тхачъ подходила къ горѣ Шугусу (10642 фута). Южная шла по Главному хребту.

Указанные границы были предѣльными; расширение ихъ шло въ сѣверо-западномъ направлениѣ, по мѣрѣ того, какъ абадзехскій народъ оттеснялся на сѣверъ бжедуховъ и на западъ шапсуговъ. Кроме указанныхъ племенъ съ абадзехами соседили хатукаевцы (хатюкай), темиргесцы (шомгуй), егерукасцы (егерукай), маҳошевцы (маҳошъ)—на сѣверѣ; на востокѣ—бесленеевцы (беслени), баракаевцы (браккай), тамовцы (тамъ), баговцы (багъ); на югѣ—убы.

Абадзехія страна горъ по-преимуществу. Концерфорсы Главнаго хребта здѣсь значительно выше шапсугскихъ и патухайскихъ хребтовъ, где высшими пунктами служать горы Маркотхъ (2276 ф.) и Панай (591 ф.); въ предѣлахъ Абадзехіи находить слѣдующія высоты: Аутль (6063 ф.), Оштенъ (9358 ф.), Финть (8360 ф.), Абаго (10631 ф.), Шугусъ (10642 ф.).

Рѣка Бѣлая, берущая начало изъ синѣхъ Шугуса, дѣлила Абадзехію на двѣ неравнныя части. Западная была очень густо населена и составляла основную часть области абадзеховъ, какъ называли абадзехскіе старожилы. Въ ущельяхъ, образуемыхъ хребтами Котхомъ, Шиафомъ, Тхамахинскимъ, существовали сплошные поселенія, и эта территорія, орошааемая р. Псекупской и его притоками Хатынсе, Ченси, Хоарзе, Псечіако, славилась своею зажиточностью, такъ что пріобрѣла наименование Мессира (Египта).

Небольшой хребетъ Шиафъ, служившій границей между пастырниками бассейна верхняго и средняго течения Псекупса и соседними бжедухами, упирается въ болѣе высокій параллельный Главному хребту Котху: съ послѣднаго сѣгаютъ небольшія рѣчки Ичасть, Мартѣ и Цице. Съ востока Котхъ окаймляется р. Ишишемъ, по ущелью когдаго легко было достигнуть самаго удобнаго изъ абадзехскихъ переваловъ на южный склонъ, перевал Гойхъ (1643 фута). Къ этому же перевалу шла удобная колесная дорога изъ долины Псекупса: проходя по вершинѣ водораздѣльного хребта между Псекупсомъ и Ишишемъ, она приводила въ долину послѣдняго именно въ мѣстѣ расположенія нынѣшняго селенія Елизаветпольскаго. По этой дорогѣ многочисленныя абадзехскія семейства въ 1864 году принуждены были дѣлаться въ Туапсе, гдѣ и садились на турецкія почтѣмы, перевозившія ихъ вънатѣю. Часть переселенцевъ изъ исекуескихъ абадзеховъ спустилась, кромѣ того, черезъ перевалъ Дефановскій въ Джубгу, а черезъ переваль Псебескій къ мысу Гуагва, близъ нынѣшняго селенія Ловомихайловскаго.

Долина Псекупса, по разсказамъ стариковъ-абадзехъ, представляла собою сплошной аулъ, утопавший въ фруктовыхъ садахъ; особенно густое населеніе было по р. Хоарзе и близъ Псебабе (Горячая вода), нынѣ мѣстечка Горячій-Ключъ.

Вся описываемая мѣстность въ настоящее время покрыта густымъ руномъ лѣсовъ, но слѣды горскихъ поселеній еще замѣтыны въ видѣ обширныхъ полянъ, напр., близъ „Волчихъ воротъ“, сел. Безыменнаго, Фанагорійскаго, Садового, Пятигорскаго, а также въ видѣ старыхъ запущенныхъ фруктовыхъ садовъ. Осеню закубанская стенная станица посыпаетъ сюда вереницы возовъ за грушами и яблоками. Чудное зрѣлище являются собою склоны Шиафа и Котха весною, когда они сплошь покрыты блѣдно-розовой пеленой цветущихъ яблонь и грушъ! Нынѣ въ этой красивой

мѣстности возникъ новый курортъ при сѣрныхъ горъ ч. Альбадзехъ. Пространство между Псекупсомъ и Ишишемъ было менѣе густо населено. Въ бассейнѣ Пшеница аулы дѣлались снова многолюдными, долина и чистаго и запризного *), какъ Псекупсъ, Пшеница, мѣстами широкая, мѣстами сужающаяся, особенно узкой дѣлѣ вѣсны съ станицы Хадыжинской **, была очень оживленнымъ торговымъ трактомъ, по которому у Бзили и убыхи, продававшие мирагскую добычу — англійские ситцы, турки, армяне; по этому же ущелью потянулись въ Туапсе первые абадзехи въ 1864 году; здѣсь же двигался здѣшній Даховскій трядъ, окончательно очистившій южный склонъ отъ убыховъ, хакучей, джигетовъ, зѣвцевъ и ахчинсковцевъ.

Долина р. Ишихи, впадающей въ Бѣлую близъ станицы Бѣлорѣченской и берущей начало въ сѣнѣхъ г. Оштепа, была очень густо населена. Её защищали обширные трудно проходимые лѣса. Въ верховьяхъ этой рѣки существуетъ большая полина Туби, очень почитаемая абадзехами, какъ колыбель абадзехскаго племени. Отсюда дорога идетъ черезъ Тубинскій перевалъ въ мѣстность, которую занимало племя хакуче (абазинского происхожденія).

По Курджинсу, владающему въ Бѣлую въ трехъ верстахъ отъ Майкова, въ дрему тѣ лѣсахъ жили особенно дикие абадзехи; съ да въ неизвестномъ горномъ трущобѣ отводили изѣнниковъ. На Курджинѣ же провелъ свои два многострадальныхъ года (1835—37) баронъ Торнау.

Пространство между Курджинскомъ и Бѣлой, начиная отъ станицы Дагестанской по направлению къ Майкову, является собою низкій хребетъ, покрытый ковыемъ и дубовымъ лѣсомъ съ большими площадями удобной для посѣвовъ земли. Эта мѣстность находилась во владѣніи мамхеговцевъ **), небольшого племени, островкомъ пріоттишаго среди обширной территории абадзеховъ.

Долина Бѣлой, съ знаменитымъ своими красотами Даховскимъ ущельемъ, окаймлена высокими отрогами Черныхъ горъ,

*) Осенью и зимою во время сильныхъ дождей въ верховьяхъ эти рѣки, очелья мелкія въ обыкновенное время, превращаются на несколько часовъ въ бѣшеные потоки: громадная волна, аршина въ три вышиною, падаетъ сверху съ необычайной стремительностью: не успѣваетъ одна волна разлиться по окрестностямъ, какъ съ ревомъ на, нее набрасывается второй вахъ, за нимъ третій.

**) См. мое сообщеніе въ № 6-мъ т. XIV-го „Извѣстій“ Отдѣла, стр. 238—241.

доходящихъ до 7744 футовъ (гора Тхачь). Кромѣ Бѣлой здѣсь интересны историческими воспоминаніями ея притоки Чегсъ, вытекающій изъ-подъ Шугуса, Сохрай, Фюнфъ, Майконъ, близъ которо-го никогда бывъ укрѣпленный лагерь, перенесенный въ 1858 году на 15 верстъ внизъ по течению Бѣлой, на мѣсто нынѣшняго города Майкона. Близъ устья рѣчи Майкона находился известный бродъ Топу-уанъ.

Бассейнъ верхняго течения Фарса и его притока Псефица, служившаго крайней границей распространенія абадзехскихъ ауловъ на востокъ, заполненъ отрогами Даховскаго хребта, скъзы-котораго круто опускаются къ илоскогорью, гдѣ имѣетъ расположены станицы Чарская, Умутинская, Губская. Часть Гарчаго хребта, заключенная между истоками Малой Лабы (ея притокомъ Уруштеномъ) и Бѣлой, почти недоступна для перехода на южный склонъ, ибо здѣсь поднимаются очень крутые массивы горъ Абаго и Шугуса. Между Шугусомъ и Финскомъ у подножья послед-ниаго существуетъ переваль '6306 ф.).; изъ онъ сливается подъ названиемъ Бѣлорѣченскаго, «раньше называемъ» по-абадзехски Шитлибъ.

Вообще нагорная часть системы р. Бѣлой отличается гран-дозностью приро-ды: многочисленные ея притоки не текутъ, а стремительно низвергаются, иногда разлетаясь брызгами, орошая скалы своего русла, состоящія, какъ и массивы Шугуса, Абаго и соединенныхъ съ ними горъ, изъ очень твердаго телло-эрраго асанд-наго станица. Истоки Бѣлой начинаются рядомъ ключей-фонтановъ, бьющихъ и бурлящихъ между с. аль. Горцы до сихъ поръ чтятъ эти ключи и называютъ ихъ святыми. Близъ станицы Тахоръ-хой, въ треугольникѣ, образуемомъ линіями, соединяющими эту стани-ну съ селеніями Темиръ-Лебъ и Хамілки, расположено «удное альпийское илоскогорье Луганаки; на сѣмъ всѣ бѣлорѣченскіе абадзескихъ земель пасли свой скотъ. Даже жители бассейна р. Иахе пригоняли сюда свой скотъ по трѣ памъ, идущимъ на Бѣлорѣчен-ской переваль, черезъ Бабуки (такъ называемъ дорога генерала Геймана).

Вся описываемая мѣстность, находящаяся въ 20—40 верстахъ (по прямой линіи), отъ Чернаго моря, имѣеть теплый и очень сухой климатъ. Особенно большую количествомъ атмосфер-ныхъ осадковъ отличается восточная часть территории, принад-лежащей абадзехамъ. Частые дожди въ этой мѣстности перѣдко дѣлали сообщеніе между аулами очень затруднительнымъ, и, хо-

тя абадзехи любили прокладывать свои арбанныя дороги по вер-шинамъ хребтовъ, все же послѣднія зимой были малодоступны и сплошнія поддерживались верхомъ. Бѣльгство обилья влаги въ нагорной полосѣ въ изобилии растутъ рододендроны, плющъ, а -поротники, достигающіе болѣе сажени въ высоту; альпийская флора также достигаетъ сажениной высоты.

Исключение изъ числа мѣстъ, подвергнутыхъ обильнымъ атмосфернымъ осадкамъ, составляетъ Исекабе (нынѣ горячій Ключъ) и окрестности хребта Сизабго (близъ Михайловскаго монастыря, въ виести верстахъ отъ станицы Севастопольской, Майконаского отдѣла). Въ этихъ пунктахъ количество осадковъ равно 800 мм. Снѣгъ въ горахъ выпадаетъ рано—около 20 сентября—и лежитъ очень долго. Снѣговая линія дѣсь опускается до 8 ты-сячъ футовъ *). Перѣзали открыются очень поздно,—обстоятельство заставлявшее абадзеховъ тяготѣть къ Гойтхечому перевалу. Альпийская настѣница, напр., на илоскогоріи Луганаки, откры-ваются въ концѣ мая или въ началѣ июня.

Почва обширнаго течения Исекуниса, Ишина, Ишехи (Шехи, по-абадзехски), Бѣлой глинистая, къ верховымъ же преродить въ черноземъ, пока не смѣняется обнаженіями камен-ныхъ породъ. Черноморскій Кавказъ (отъ Аланы до Оптина, 250 в.) состоитъ изъ известниковъ и гипсита, сланца очень древнаго происхожденія. Въ верховьяхъ Бѣлой верхніи Главлаго хребта почти силоши состоятъ изъ твердаго черно-серого асанд-наго глины. Грунтъ четырьмяется въ ущельяхъ. Въ ней близъ сел. Хамышки. Подножза Черныхъ горъ мѣловая». Почва очень плодо-родна и во многихъ мѣстахъ особенно много на подъ южнымъ наклоненіемъ. Терпкий влажный климатъ, тучная почва вызвали по-явление необыкновенныхъ гуандинъ съ лѣсовъ, въ предгорьяхъ и нижнемъ поясе горъ преимущественно дубовыхъ, а въ ерѣнѣ буковыхъ; и, болѣе густыхъ хребтахъ растетъ пихта (*Abies Nordmanniana*) **), достигающая трехъ въ половину саженей въ окружности, сѣль, сосна, тисъ, листъ, ясень, ольха, береза, ряби-на, боярышникъ, яблони, груши, лѣча черешня, сливы, канта-ны; въ омѣ того смородина, крыже-шаль, малина, орусница, ка-казскій чай (*Uvaiaum Arctostaphylos*); это—«тай», въ смѣси

* Въ некоторыхъ особенно глубокихъ ущельяхъ въ верховьяхъ Бѣлой можно встрѣтить вѣчные спѣга даже на высотѣ 3000 футовъ.

**) Пихта преобладаетъ въ верховьяхъ Бѣлой, Ишехи, Уруштеле.

съ вѣчно-зелеными кустарниками, состояла изъ низкото-выхъ и буковыхъ лѣсовъ.

По разказамъ абадзехскихъ гориковъ, девять десятыхъ ихъ стѣны было покрыто лѣсами. Абадзеши были, въ тоиномъ смыслѣ попятія, „лѣсные люди“: лѣсъ былъ и въ стихіи, гдѣ они себя ту створили, какъ рыбы въ водахъ; лѣсъ ихъ укрывалъ отъ непогоды и отъ ненрѣтеля, лѣсъ ихъ и кормилъ: множество оле-й, дикихъ козъ, свиней, сернъ, турковъ, кромѣ того зубровъ та-илось въ дремучихъ дебрахъ верховьевъ Пшехи, Курджинса и Бѣлой. Во время отлиха стѣна падѣдовъ въ сосѣднія области аба-дзехскіе воины охотились спачала съ лукомъ, коньемъ, а затѣмъ и съ ружьемъ на медвѣдей, барсовъ *), волковъ, лисицъ, куницъ, выдровъ, рѣчныхъ бобровъ. Кромѣ этого въ лѣсахъ водились въ изобиліи горный тетеревъ (*Tetrao Micosiewiczi*), горная индѣйка (*Megaioperdix Caucasica*) и многія другія породы птицъ: изъ хищныхъ слѣдуетъ отмѣтить особеніе крупной величины ягнят-ниаг (*Gyps fulvus*). Изъ ископаемыхъ Абадзехіи слѣдуетъ отмѣтить каменный уголь (въ долинѣ Бѣлой и ея притока Дахо), нефть (блізъ станіи Ширванской, Ашеронской, Нефтяной, Клю-чевої), горный воскъ (блізъ укрѣпленія Хадыжей), бурый желѣз-нясь (между Бѣлой и М. Лабой, блізъ Даховской, Царской, Губ-ской, а также блізъ Дефановскаго пе-зала).

Изъ минеральныхъ водъ въ Абадзехіи большой славой пользовались исекунескій—Псефабе. Сюда свозились на аркахъ больные и раненые черкесы: здѣсь подъ руководствомъ горскихъ врачей они проходили короткій, но энергичный курсъ лѣчения. Кромѣ струнныхъ горячихъ водъ, дававшихъ до 30.000 ведеръ въ сутки, блізъ Псефабе существовали и эксплуатировались горками и солено-соло-бронистые, углекислый и соленые источники. Близъ хѣстечка Горячій-Ключъ еще сохранились стѣны обширного поселенія. Мнѣ пришло бесѣдовать съ однимъ изъ жителей этого селенія; онъ жаловался, что пріѣзжавшіе на воды больные разорали ихъ: но обычаю, гостю отказать нельзя было въ приемѣ и въ содержаніи,—и гдѣ и, поэтому, не перевелись въ теченіе круглого года, такъ какъ водолѣчебный сезонъ не прерывался днёмъ и зимою. Близъ истока горячихъ ключей было вырыто нѣсколько ямъ, куда по-очереди больные опускались, затѣмъ ихъ обертывали въ бурки и несли въ сакли; сѣрную воду принимали

*) Барсы въ настоящее время попадаются охоты въ верховьяхъ Бѣлой и М. Лабы, Уруштена, блізъ Шугуса.

и внутрь. По словамъ старыхъ абадзеховъ, воды въ большинствѣ случаевъ излечивали ревматизмъ, накожную болѣзнь, раны.

II.

Расположеніе народонаселенія по бассейнамъ рѣкъ. Знатные абадзет-скіе роды. Аузы въ бассейнѣ Псекупса, Пчаса, Марты, Пшехи, Курджинса, Бѣлой, Фарса и Псефири.

Самое густое населеніе было по Курджинсу, Пшишу и Бѣлой. Верховья Фарса, Бѣлой, Курджинса, Пшехи и Пшиша были заняты воинственными верхними абадзетами. Какъ и прочіе адиге, абадзеши жили большими аулами, тянувшимися иногда наѣсколько верстъ, при чемъ одинъ аулъ почти соединялся съ угломъ. Названія ауламъ, въ большинствѣ случаевъ, давались по фамиліямъ знатныхъ дворянскихъ родовъ (князей—пини—у абадзеховъ не существовало), называвшихся *урокъ-тиахоматажъ*.

Изъ абадзехскихъ дворянскихъ фамилій особенно славились Едыге, Бешуковы, Анчиковы, Гуте, Джиячевы, Дауровы, Гонежуковы, Хатуковы, Бета, Неджуковы Цей. Эти то дворянскія (*урокъ*) фамиліи и стояли во главѣ обществъ (*хабль*) и передавали имъ свои имена. Общества раздѣлялись на сельскія общины (*исуго*). Общины въ большинствѣ случаевъ были вполнѣ самостоятельными единицами, управлявшимися сельскимъ сходомъ подъ предѣдательствомъ старшинъ. Дѣла, касавшіяся всего общества (*хабль*), решались общественнымъ соѣдѣніемъ. Вопросы же высокой политической важности, касавшіяся всего абадзехскаго народа, решались народнымъ собраниемъ (*за-уча*, или *ябаръ*).

Обратившись къ отдельнымъ обществамъ, находимъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ бассейнѣ Псекупса на мѣстѣ нынѣшняго сел. Фанагорійскаго жило общество Гуте (Гуте-хабль); по хребту Котхъ стѣна Хотынен къ Псефабе (Горячій-Ключъ) жили Бешуковы (Бешуко-хабль); на Харже блізъ нынѣшняго селенія Иятигорскаго былъ Баккій-хабль. Хребетъ Пшиафъ до р. Дыснѣ и Чебій занималъ Неджуко-хабль. Территорія блізъ мѣстечка Гора-ячій-Ключъ принадлежала Бешуковымъ и сильному роду Едыге. Внизъ по Псекупсу въ недалекомъ разстояніи отъ Псефабе на правомъ берегу рѣки стоялъ Ашб-хабль. Близъ Псефабе существовали аузы Абидда-хабль, или Удагажукъ. Рядомъ съ Бешуковыми сидѣли Тугузовы (Тугузъ-хабль). Въ среднемъ же теченіи Псекупса сидѣли общества Цей-хабль, Тлиш-хабль. Общество

ей имѣло также поселенія и по Пинчу. Пространство между Курджисомъ и Пинчомъ было занято большими обществами Анибо-хабль; оно распространяло свои права и на правый берегъ Тифишебсъ и было известно у русскихъ больше подъ названіемъ общества Тифишебсъ.

По р. Пинчу были аулы Бешуковыхъ и Гуте (близъ нынѣшней станицы Бакинской). Верховья р. Мартв бывши заняты Анчковыми; близъ станицы Имеретинской былъ Нашемуко-хабль; близъ него были Калмуто-хабль и Гтырь-хабль. Между р. Цине и Ишишемъ былъ Гонежуко-хабль. По Пинчу жили также Ашевы, Анчковы и общество Махачимо-хабль. Верховья Пшеги населяли Джиячтъ-хабль, большое общество, занимавшее земли по р. Курджину, где сливалось съ обществомъ Даурь-хабль, членъ многолюднымъ. Эти два общества были, по словамъ стариковъ-абадзеховъ, подъ сильнымъ вліяніемъ общества Темдаши. Даурь-хабль и Темдаши были расположены по Курджину. По той же рѣчкѣ были аулы Шагуче-хабль, Хажджако-хабль, Туцъ-хабль (выше станицы Нижегородской).

Треугольникъ между Курджисомъ и Бѣлой былъ занятъ идѣльнымъ племенемъ мамхеговцевъ (мамхегъ), жившихъ въ слѣдующихъ аулахъ: Хуретли, Боджукай, Бадженай, Тленсеки, Пашчай. Дугу-хабль, Даче-хабль, Кураль (самый многолюдный), Хамышай, Хакунай, Таганай, Куки. Въ верховьяхъ Бѣлой въ Хамышахъ (укрѣпление Хамышки) жили сначала абадзеи, затѣмъ члены въ бѣльскомъ числѣ приселились убыхи. На р. Псешьюре былъ ауль Хачецо-хабль; близъ него абадзеи добывали золото. На р. Кокодзѣ существовалъ Себетъ-хабль, близъ станицы Даховской—Асерть-хабль. Самымъ высокимъ поселеніемъ считался ауль Тубъ-Темдаши, въ верховьяхъ Псефира; здесь жили горки Едыгѣ, считавшиеся самыми знатными.

III.

Преданія о происхожденіи абадзеховъ. Начальная ихъ исторія. Столкновенія съ сопѣдними племенами. Бжедухи, или начальная исторія и борьба съ абадзехами. Второй и третій варианты сказаний о происхожденіи абадзеховъ. Заключеніе.

Происхожденіе абадзеховъ (сами они себя называютъ *абезах*) народныхъ преданія объясняютъ различно. Изъ многочисленныхъ легендъ, слышанныхъ нами въ абадзехскихъ аулахъ, можно составить три варианта, сходящихся въ одномъ, что перв-

ый пичкѣтъ, занятый предками абадзеховъ на ихъ родной территории, это—долина Тубе, находящаяся въ верховьяхъ р. Ишени, притока Бѣлой, близъ горы Фишти.

Первый изъ легендарныхъ вариантовъ передаетъ, что первоначальные насељники долины Тубе были весьма многочисленны, всего семь семействъ (Куювы, Тлинъ, Ащенегъ-Босисъ, Бешукъ, Гуте (три брата) и Цеудинъ). Эти семь считали себя выходцами изъ Абистана^{*}). Кто то изъ членовъ вышеназванныхъ фамилій выбилъ у своего односельца глазъ — быть, со временемъ шарлату, присужденъ къ лишению одного глаза. Преступникъ успѣлъ, однако, скрыться, а съ нимъ и толпа его родственниковъ^{**}). Со многими приключениями бѣглецы обратились до Константиноополя, находившагося въ то время еще во власти грековъ; императоромъ былъ Константинъ. Ещѣцы и здѣсь не нашли защиты и принуждены были на корабль бѣжать дальше, къ берегамъ Кавказа. Выдились они близъ нынѣшняго Туапсе. Сначала они поселились среди убыховъ^{***}) и стали заниматься охотою. Въ поискахъ за дичью одна группа абадзехскихъ охотниковъ дошла до вершины Главного хребта, снастилась въ долину Пшехи (Пчеха, по-абадзески) и остановилась въ долинѣ Тубе. Дѣло было весною. До на имѣ понравилась своимъ красивымъ расположениемъ, и они посѣяли тамъ для пробы зерна горного проса. Когда осенью вернулись взглянуть на урожай, они были удивлены плодородиемъ этой никѣмъ еще не заселенной местности и рѣшили перебраться сюда вѣсть племенемъ. Всѣ семь семействъ перекочевали сюда и, подѣливъ землю на разные части, стали заниматься хлѣбонашествомъ. И нынѣ члены уоркскихъ фамилій, споря о древности своего рода, ссылаются на то, что ихъ предки имѣли Тубе-хассъ (Тубейский пай), т. е. принимали участіе въ первоначальномъ дѣлѣ долины Тубе. «Ты въ Тубе пая не имѣлъ» — служить убѣдительнымъ аргументомъ противъ доказываемой древности и знатности рода противника. Когда Тубе-хабль разросся, онъ избытокъ населения выселить въ местность Себетэ на р. Кокодзѣ, первомъ отъ верховьевъ правомъ притокѣ р. Курджине, въ 12 верстахъ къ западу отъ укр. Хамышки. Въ Себетэ ауль состоялъ

^{*}) Арабистанъ, по мнѣнію мусульманъ, — козырь народовъ, исповѣдывающихъ исламъ.

^{**) Легенда, такимъ образомъ, устанавливаетъ родственность абадзехскихъ уоркскихъ фамилій.}

^{***)} Абадзеи считаются убыховъ родственнымъ племенемъ.

уже исть ста дворовъ. Внослѣдствіи изъ Крыма переселились Едыгѣ и Цей; послѣдній бытъ въ некоторомъ подчиненіи у перваго. Едыгѣ съ своими родичами основалъ на р. Цице^{*)}, и долина этої рѣки съ тѣхъ порь получила название Едыговскаго поля. Къ Едыгѣ внослѣдствіи приселилось многое греко-европейцевъ, и всѣ они получили имя Едыгѣ, хотя и не считались уорками. Со времени поселенія абадзеховъ въ Тубе, по словамъ легенды, считается 13 поколѣній, т. е. около 600 лѣтъ.

Первый столкновенія уже сложившагося племени, во словамъ легенды, произошли съ кабардинцами^{**)}. Сохранился съ-
дующій разсказъ о первомъ столкновеніи абадзеховъ съ кабардинцами. Кабардинскій князь послалъ однажды пятнадцать всадниковъ къ абадзехамъ съ трофеемъ дани. Пословъ пришли и размѣстили во сакляхъ. Аульному же глашатаю приказано было прокричать на весь аулъ, чтобы каждый хозяинъ зарѣзъ по коровѣ и угостилъ гости. Но данному знаку, каждый хозяинъ зарѣзъ не корову, а своего гостя. Послѣ долгаго ожиданія кабардинскій князь вторично послалъ пословъ: тѣ вернулись и сообщили ему о чѣрноломномъ убийствѣ своихъ предшественниковъ. Кабардинецъ собралъ свою дружину и двинулся на абадзеховъ. Встрѣча раздѣляющихъ сторонъ произошла въ ущельѣ р. Дахо. Ущелье это въ верховьяхъ свѣхъ превращается въ узкую тѣснину. Абадзехи надрубили окрестные дубы, привязали къ ихъ вершинамъ длинные ремни и приготовились завалить кабардинцевъ. Притаившись за камнями и пропустивши передовое войско они дернули за ремни: дубы обрушились и завалили тѣснину. Отрезанныхъ отъ остального войска кабардинцевъ стали колоть никами, разстрѣливать стрѣлами и давить сбрасываемыми кусками скаль. Въ числѣ отрезанныхъ бытъ кабардинскій богатырь-великанъ Борокъ. Какъ барсъ, отбивался онъ длиннымъ мечомъ отъ окружающихъ его абадзеховъ. Увидѣвъ это оставшийся позади другъ его Шоготыжъ, богатырь небольшого роста. Бросился онъ изъ помошь Бороку, перелѣгъ черезъ скалу (и нынѣ существуетъ еще въ горахъ Дахо Шоготыжевъ трон^{**}) и бросился внизъ на враговъ. Тѣ снизу подхватили его на коны. «Смотри, Борокъ!» закричалъ онъ другу умирая: «я былъ маленькимъ, а теперь я

^{*)} Небольшой правый притокъ р. Пшеки, впадающей въ нее близъ станицы Самурской.

^{**)} Могущественное кабардинское племя, ту эпоху действительно распространяло свое влияние и въ кубанскихъ горицъ.

выше тебя стала!» . Сѣхъ кабардинцевъ абадзехи перебили, а прочіе ни съ чѣмъ повернули назадъ. Въ память народа удержалось еще въ воспѣніи о битвахъ съ кабардинцами: одна произошла близъ станицы Даховской, на р. Большой, другая близъ уроч. Мазмай (ныне станицы Нижегородской). Кромѣ кабардинцевъ, абадзехамъ приилось сражаться съ южно-горскимъ разбойническимъ племенемъ хакутей, тѣихъ въ верховьяхъ рр. Псезуапе, съ притокомъ Хакучине, и Шахе. Сохранились такъ з
преданія столкновеніяхъ съ убыхами, бесленеевцами^{**}, шахги-
реевцами^{**}), маюшевцами, живущими между Фарсомъ и Большою Лабою, баракаевцами (бракый), и большими обществомъ, сидѣвшими въ верховьяхъ Псефира, съ баге-дами (багъ), обитателями долины Ходза, съ егерукаевцами (егерукой), живиг чи отъ Большой до Фарса (по среднему течению обѣихъ рѣкъ), съ темиргоеевцами (комгуй), обитавшими по нижнему течению Большой, Псеифира, Гаги и Чарса; особенно же частыми столкновеніями отлича-
сь отношенія абадзеховъ къ бжедухамъ, иѣогда владѣвшимъ, но преданію, большую частью территории, занятой внослѣдствіи абадзе-
хами. По мѣстнымъ преданіямъ, написаннымъ мною со словъ из-
вестнаго всѣмъ: че Кубанской области бжедухскаго князя Кем-
гугя Ахеджагова, преклонныхъ лѣтъ старца, живущаго на нокобѣ-
въ Бжедухъ-хабль, племя бжедуховъ, абхазского происхожденія,
перешло на сѣверный склонъ подъ предводительствомъ князя Ха-
мыспна; а раньше оно обитало въ ущельяхъ бассейна р. Бзыби^{***}). Поселилось оно въ долинѣ верхняго теч. р. Большой, построило
большой аулъ, названный въ честь князя—Хамыспн (русскіе пере-
дѣлали въ Хамыспн); когда то здѣсь было русское укрѣпленіе,
нынѣ небольшое селеніе). Внослѣдствіи одинъ изъ хамыспен-
скихъ князей Цюкъ, сынъ Ямбока, покинувъ со своими привер-
женцами аулъ и ушелъ въ долину Туапсе, где и умеръ, оставилъ
главою рода своего сына Абаджи. У послѣднаго было два сы-
на, Чартянъ и Хамыспн. Хамыспенцы, подъ ихъ предводитель-
ствомъ, перешли черезъ Гойтскій перевалъ и заняли долину
р. Иссекуиса. Аулъ же Хамыспн былъ занятъ абадзехами. Позднѣе имъ взадѣли убыхи. Поселившись въ бассейнѣ Иссекуиса хамы-
спенцы раздѣлились: Хамыспн съ своими единомыслиниками

^{*,} бесленеевцы (бесленей) жили отъ Псефира до Уруна.

^{**)} Шахгиреевцы (шахгерай)—обитатели верховьевъ Большой Лабы (Псевьюэ).

^{***}) Р. Бзыбъ впадаетъ въ Черное море близъ Пионунды.

сѣль по лѣвому берегу средняго и нижняго течения Псекуиса, Чирчия же по правую *) Отсюда хамысшеецы (внослѣдствіи ихъ стали называть бжедухами) раздѣлились на два племени: чеченеевцевъ (потомковъ Чирчина) и хамысшееевцевъ (потомковъ его брата Хамыши). Имя же бжедуховъ они, по преданию, получили по слѣдующему случаю: на какомъ-то многолюдномъ пиру, гдѣ были уорки соудѣднихъ племенъ, одинъ изъ князей бжедухскихъ укралъ турѣй рогъ, изъ которого чили вино: отсюда и прозвище бжедуховъ (*воръ чаша: бжса—турій рогъ, дуихъ—воръ* **). Преданіе это имѣть, по всѣмъ признакамъ, такъ сказать, лексическое происхожденіе. Въ 1641 году, датируетъ одно абадзехское преданіе, абадзеи, обитавши въ бассейнѣ верхняго течения Пшехи, Пшиша, подъ предводительствомъ двухъ и. здниковъ, Ерика и Неджюка, двинулись всѣмъ народомъ, съ женами и дѣтьми, въ долину Псекуиса, иотъснили бжедуховъ, не имѣвшихъ силъ противиться сѣбѣжему и многочисленному племени верхнихъ абадзеховъ, отличавшихся издревле своею воинственностью: бжедухи были оттеснены до рѣки Чигиако.

Второй варіантъ изъ сказаний о происхожденіи абадзеховъ передаетъ, что предки ихъ вышли изъ Абхазіи, долго жили въ долинѣ Шахе и внослѣдствіи перешли хребеть и основались въ долинѣ Тубе. Третій варіантъ этихъ сказаний говоритъ, что абадзехскіе родоначальники, „прида съ берега моря“, жили сначала въ Татартунѣ, затѣмъ переселились на р. Аридѣ, откуда перенесли въ долину Тубе. Отсюда избытокъ населенія, спускаясь съ горъ, разселился по среднему течению Схагуаше (Бѣлой), Курджинса, Пшехи (Пшехи, Пшиша); эти абадзеи назывались *иж-абадз* (*нижніе абадзеи*), жившіе же въ верховьяхъ этихъ рѣкъ — *энмир-абадз* — *верхніе абадзеи*.

Анализъ вышеизведенныхъ сказаний о первоначальной судьбѣ абадзекского племени приводить, по нашему мнѣнію, къ слѣдующему выводу. Въ глухихъ кавказскихъ горъ, каковой и была

*) Доли. Псекуиса до прихода бжедуховъ принадлежала темиргескому князю Болотоку. Близъ нынѣшняго селенія Птигорѣза — послѣдній встрѣтилъ Чирчина и Хамыши: произошла трехдневная битва, и Болотокъ отступилъ. Внослѣдствіи темиргесцы были оттеснены еще дальше, въ 30-ые годы прошлаго вѣка застаютъ ихъ за Бѣлой, по нижнему течению Псенафа, Гіаги и Ула.

**) Бжедухское преданіе смягчаетъ этотъ чучай и разсказываетъ, что на пиру предпримчивый бжедухъ перехватилъ не въ очередь полный вину турѣй рогъ и выпилъ его.

долина Тубе, пріотиась къ разноплеменныхъ бѣглцовъ: здѣсь были представители абхазскаго племени, и кабардинскаго, и убыхскаго, были даже выходцы изъ Крыма (Едыгѣ). Аналогичное явленіе мы видимъ въ начальной исторіѣ карачаевцевъ, съ тою только разницей, что жители Тубе не были такъ изолированы отъ окружающихъ племенъ, какъ карачаевцы, живущіе подъ защитою высокихъ и неприступныхъ горныхъ твердинъ. Го первопасельникамъ долины Тубе, отличавшимся, повидимому, какъ и всѣ авантюристы, энергией и храбростью, приселились наиболѣе предприимчивые и воинственные изъ аборигеновъ, а рядъ удачныхъ наездовъ, подъ предводительствомъ уdalцовъ, ставшихъ внослѣдствіи родоначальниками именитыхъ абадзехскихъ фамилій (уоркъ), отдали во власть горной республикѣ (у бадзеховъ никогда не было *nini* — князей) сначала долину Пшехи, Курджинса, затѣмъ Бѣлой, Пшиша и, наконецъ, Псекуиса. Что касается языка, то языкъ покоряемыхъ адиге уничтожилъ „смѣсъ языковъ“, царившую въ горсти завоевателей.

Внѣшность абадзеховъ. Характеръ народа. Отношеніе къ русской культурѣ. Одежда мужская и женская. Жилища. Пища. Утварь. Мечеть.

Внѣшность абадзеховъ очень притягательна: они, въ большинствѣ случаевъ, выше средняго роста, очень стройны: даже между стариками наѣмъ не пришлося заставить ни одного толстяка; плечи отличаются шириной, а талия, перехваченная ремнемъ, — тонкостью. Волосы они коротко стригутъ, нѣкоторые бреютъ ихъ. Лицомъ большинство бреетъ головы. Бороды стригутъ, молодые очень коротко: у одного изъ щеголей наѣмъ даже пришлось увидѣть машинку для стрижки; старики же отпускаютъ бороду длининѣ, а муллы считаютъ за необходимость носить большую бороду. Черты лица, въ общемъ, правильны и пріятны; крючковатыхъ носовъ наѣмъ пришлося видѣть мало. Часто встречаются сѣрые и голубые глаза. Не рѣдкость ветрѣтить блондину. Женщины миловидны, особенно изъ сословія уорковъ: бѣлизна ихъ кожи красиво оттѣняется тонкими темными бровями; глаза, красивой овальной формы, не отличаются величиною. Походка мужчинъ и женщинъ легка и быстра. Вообще, абадзеи отличаются ловкостью въ работѣ и ёздѣ верхомъ. Такой отзывъ о нихъ я слышалъ отъ ихъ соудѣй, залабинскихъ казаковъ, имѣющихъ

непосредственныи сношения не только съ абадзехами, но и съ темиргесцами, бжедухами, баркасющими и другими кубанскими герцазами, населявшими въ низовья Гирса, Бѣлой, Пшени. Бѣлое прошлое этихъ горянъ, большого племени, способствовало выработкѣ ловкости, смѣлости и неуязвимости. Старики, дѣятелья борьбы съ русскими, скрушаются о томъ, что равнинная жизнь, хлѣбопашество, общеніе съ станицами, сильное развитіе торговли губительно действуютъ на старинныи доблести абадзеховъ. Дѣйствительно, въ настоящее время юношамъ некуда отпраиваться „купомъ“ въ набѣгъ за „барантою“, абрекамъ теперь нѣть возможности существовать, ибо всѣ аулы окружены густымъ стѣномъ станицъ, за кровомощеніе же грозитъ Сибирь. Больше культурное влияніе на абадзеховъ оказываетъ школа. Виолиѣ оцѣнившіи ея необходимость, они не жалѣютъ на нее денегъ: такъ, напримѣръ, въ большомъ Хакуриновскомъ аулѣ (Хакурино-блѣ), сидящемъ заселенномъ абадзехами, школа помѣщается въ превосходномъ кирничномъ зданіи, съ прекрасными классами, лакированными партами, всевозможными классными принадлежностями. Зданіе расположено къ столѣтнему дубовому парку. При школѣ прекрасный опытный садъ. Почти въ каждомъ изъ десяти посѣщенійхъ мною ауловъ я встрѣчалъ гимназиста, преимущественно ставропольской гимназіи.

Одѣгаются абадзехи, какъ и раньше, въ общечеркесскую одѣжду. Верхняя одѣжда, длинная черкеска, ниже ниръ (выше ниръ изъ всѣхъ западно-горскихъ племенъ носятъ одни абы: м.), преимущественно чернаго, иногда коричневаго, рѣдко бѣлаго цѣфта—цей. Зимою носятъ овчинный тулуй—джодутъ; послѣдній, впрочемъ, любители не стѣсняются носить и лѣтомъ. Потомки урковъ любятъ надѣвать сверхъ черкески суконное пальто офицерскаго покроя съ металлическими пуговицами. Подъ черкеской носятъ сай—бешметъ изъ домашняго холста или изъ тонкаго домашней же выдѣлки сукна. Бѣлье холщевое; нѣкоторые же преибергаютъ бѣльемъ и надѣваютъ сай непосредственно на голое тѣло. Штаны—юшеджъ—ши: ся изъ сукна, преимущественно сѣтло-коричневаго; носятъ ихъ „на очкурахъ“; въ старину любили вшивать на нихъ черные ламиасы, въ два изызы шириною. Старинная обувь состояла изъ чевакъ, которые шились изъ кожи черной или рыжей коровы, при чемъ носились шерстью наружу. „Ноговицы“ доходили только до гѣнъ и назывались ляй; кроме ляй существовали лягодже-ляй, короткія голенища, надѣ-

вавшіяся новыи колѣгъ безъ „ляй“ послѣднія не падѣвались. Въ старину начахи отмачивались большойю величиною, при чемъ верхъ въ нихъ изъ цветного домашняго сукна, далеко выдавался за шапку и былъ острононечнымъ.

Женская одежда состоить изъ загизывающихся у щиколодки шальваръ, юбки, легкаго бешмета, праздничнаго бешмета, общаго узорчатымъ серебрянымъ позументомъ собственной работы. Позументы обыкновенно имѣютъ видъ листьевъ и сердца Корсажъ у дѣвушекъ очень узокъ. Онъ ширится сзади *). Обыкновенія же зашивать грудь дѣвочки въ овечью или козью кожу и распарывать ее въ день свадѣбы у абадзеховъ не существуетъ и не существовало. Корсетъ обыкновенно, но мѣрѣ развитія стана дѣвушки, перемѣняется.

Въ старые годы всѣ дѣвушки носили остроконечнаго шапки-колпаки, обвитыя параллельными полосами позументовъ; съ конца такой конусовидной шапки спускалась фата, то придавало имъ видъ средневѣковой дворянки-француженки или вѣмки. Въ настоящее время эти шапки значительно уменьшились въ величинѣ своей; надѣваются они въ высокоторжественныхъ случаяхъ, въ обыкновеніе же времени абадзехскія дѣвушки носятъ ситцевые платочки, но не стѣсняются также ходить и простоволосыми.

Въ настоящее времѧ абадзехскій ауль имѣть видъ довольно благоустроенного поселенія: многія сакли выѣлены, нѣкоторыя крыты даже желѣзомъ. Въ старину было далеко не такъ: абадзехскій ауль издали являлъ груду сѣрихъ саклей-шалашей; они были едва обмазаны глиной, сверху лежалъ безногаточными космами тонкій покровъ изъ соломы; нѣсколько тщательнѣе строилась „хозяйская“ сакля, вѣрѣе, гинекей, женское отдѣленіе, куда запрещенъ былъ доступъ мужчинамъ и куда самъ хозяинъ осмыливался прокрадываться только позднею ночью. Въ „хозяйской“ была и спальня, и дѣтская, и кухня, и кладовая; часто все это совмѣщалось въ одной комнатѣ. Близъ „хозяйской“ былъ пристроенъ амбаръ, где хранились стѣстнныи припасы; амбаръ обыкновенно былъ рубленый. Даѣе стоялъ сарай для лошадей. Наконецъ, въ почтительномъ отдаленіи была куница, где весь

*) Дѣвушки носятъ своего рода корсетъ—ниш-кафтанъ („дѣвичий кафтанъ“); раньше дѣлали его изъ кожи, холста, при чемъ зашивали въ матерію по двѣ гибкія деревянныи пластинки, скимавшія обѣ груди, ибо у черкесовъ тонкая талия и неполная грудь составляютъ главныи условія красоты.

день сидѣть самъ хозяинъ и куда ему изъ „хозяйской“ присыпалася обѣдь. Убранство кухнцкой было очень просто: вдоль стѣнъ стояли низенькия скамы, въ углу было нѣсколько *апп*а—нижнихъ столиковъ о трехъ ножкахъ, на стѣнѣ висѣла лоровья, козья барсовая или медвѣдья шкура, въ часы намаза разстилавшаяся на глиняномъ полу кувацкой. Тутъ же въ углу стояли *кумтат*—мѣдные кувшины съ узкимъ горлышкомъ и носкомъ—и мѣдные или деревянные тазы—*ледчины*. Ишку варили въ мѣдныхъ котлахъ—*лупти*, на противныхъ. Кухня абадзеховъ не отличалась изысканностью: изъ мяса приготавливались машлыкъ, жареное въ маслѣ мисо, обильно приправленное краснымъ перцемъ; довольно вѣсуное блюдо приготавливало абадзехская женщины—курицу въ соусѣ изъ масла, душистыхъ травъ и петчи; обыденной пищей была кукурузная похлебка, вареное просо, приправленное кислою сывороткой, вареное ржаное тесто съ масломъ или съ сѣромъ. На ширахъ истребляется большое количество говядины и баранины. Наинѣкъ служитъ буза, приготавливаемая изъ проса, а раньше употреблялось и виноградное вино. Въ настоящее время въ большомъ ходу обыкновенная водка. Бузу держали въ мѣхахъ изъ кофейныхъ шкуръ—*хаджета*. Въ этихъ же *хаджетахъ* помѣщалось и кислое молоко и мука. У хорошей хозяйки на кухнѣ всегда висѣло нѣсколько хаджигаль и каждый былъ наполненъ особаго sorta мукой. Тли съ помощью ложекъ, выдѣлывавшихся довольно изящно изъ буковаго дерева или изъ рога, и съ помощью ножей. Въ зажиточномъ домѣ можно было найти бошлары (*пхаконъ*) съ дверцами; въ нихъ помѣщались праздничные одежды, цѣнныя вещи, изысканные сѣбѣтные припасы; на стѣнахъ висѣли открытые шканчики для деревянной посуды, ложекъ, котелковъ—*мачай*; множество корзинъ (*фишутъ*), плетенокъ для сѣживанія сыра (*кайхитъ*), скамеечекъ (*пхантокъ*) и круглыхъ низенькихъ столиковъ (*аппа*) наполняю „хозяйскую“. Въ спальнѣ стояли деревянныя кровати, иногда съ рѣзьбою и инкрустациими; у бѣговыхъ же кровати замѣнялись нарами изъ плетеныхъ изъ хвороста щитовъ, покрытыхъ слъ глины.

Изъ аудынхъ зданій по величинѣ своей и большей опрятности отличалась мечеть—длинная сакы, стоявшая посреди чистой полянки, окруженнай заборомъ; посѣтители (посѣтительница мечети вѣтъ) черезъ „перелазъ“—нѣчто вродѣ дверей съ высокимъ порогомъ, для прегражденія доступа въ ограду животныхъ—проникали во дворъ мечети и далѣе въ ея внутренность. Близъ мече-

ти на четырехъ высокихъ кривыхъ столбахъ подымалася небольшой паг-шапкѣ, откуда раздавался голосъ „моллы“ или „эрениди“.

Земледѣліе; земледѣльческія орудія. Садоводство. Скотоводство. Торговля.

Въ мирное время абадзехи усердно занимались земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, ремеслами. Особенно въ этомъ отношеніи трудолюбіе отличалось „нижніе“ абадзехи.

Нынѣ лѣсная горная пустыня, кое-гдѣ оживленная бѣдной нагорной станицей или жалкимъ селеніемъ, мало 37 лѣтъ тому назадъ имѣла веселый, оживленный видъ: лѣса были изрѣзаны арбяными дорогами, пѣшходными тропинками. Въ долинахъ по скатамъ горъ въ ущельяхъ засѣяны и на зеленѣли они и на вершинахъ, заставляя удивляться терпѣнію, съ какимъ абадзехъ очищали отъ лѣса нѣсколько десятиль. Вокругъ нивъ, прилегавшихъ къ лѣсамъ, въились невысокіе плетни, устроенные для загона посѣвовъ отъ дикихъ свиней. Около ауловъ видны были большия деревни, съ обрубленными вершинами: сюда абадзехи, какъ въ Абхазіи абхазы, складывали сѣно для лошадей и стебли кукурузы для буйволовъ и быковъ. Во избѣженіе лихорадокъ, не щадящихъ жителей и нагорной полосы, особенно по течению Псекуса, абадзехи селили въ по склонамъ горъ на вершинахъ холмовъ.

Обработка земли подъ посѣвъ начиналась рано, сда въ сходилъ сѣнѣ. Корчевали осенью и зимою. Для корчевки у абадзехъ употреблялся особый инструментъ, имѣвшій видъ топора, съ одной стороны, и кирки съ другой—чыгы; къ переднему, лѣпшему концу лезвея топора придѣлывалась стальная палочка, имѣвшая назначеніемъ своимъ предохранять острое отъ ударовъ по камнямъ.

Пахали сохой (*пхашажи*), въ которую впряженась только пара быковъ; соха имѣла одну ручку, лемехъ отворачивалъ землю въ обѣ стороны. Глубоко подобный плугъ не бираль; но въ этомъ и нужды не было: дѣственна почва Абадзехіи очень рѣдко давала неурожай. Жали серпами очень грубой работы, косили косами, отличавшимися отъ современныхъ тѣмъ, что ручка косы не приклинивалась, а заостренная пятка косы—*леди*—стыкалась въ ручку; косы не откленывали, а точили на брускѣ или

точилъ (шерхъ); топились они раза четыре въ день; луки на косѣ не было, и косили не правильными „ручками“, а въ кружокъ *).

Сѣяли рожь, кинечницу, кукурузу, ячмень, и т. д. Близъ ауловъ существовали города, обнесенные кучами нарубленаго терновника; сѣяли горохъ, фасоль, морковь, ирины растенія, нозднѣе огурцы, табакъ, перецъ. Но доли небольшимъ орудіемъ, имѣвшимъ видъ скребка — швоапа.

Остатки обширныхъ садовъ, состоящихъ изъ яблонь, грушъ, слий, алычи, вишень, винограда, указываютъ на любовь горцевъ къ плодовымъ деревьямъ. Однако, въ настоящее время, несомнѣнно въ близкость станицъ, красиво утонающихъ въ зелени, въ аулахъ очень мало растительности; въ пѣкотѣыхъ же, какъ, напримѣръ, въ Габукаѣ, не найдется ни одного дерева. Причина этого явленія очевидна, но въ томъ, что въ горахъ горцы помогала сама природа: къ дикимъ экземплярамъ плодовыхъ деревьевъ, въ изобилии покрывающихъ и покрывавшихъ склоны Черныхъ горъ, горцы прививали благородный вѣтки; переселившись же въ степь, горцы не вынуждали себѣ плодовыхъ деревьевъ, а природная лѣнивость помѣшила имъ это сдѣлать и въ позднѣйшее время. И вотъ обширный, такъ сказать, различный абадзехъ аулъ Хакурино-хабль, не имѣть бы никакой растительности, если бы основатели его не выбрали места близъ столѣтней дубовой рощи. Насадить же тополей, акацій, сдѣлать палисаднички передъ сакамъ и абадзехи еще не чувствуютъ потребности. Не то мы видимъ въ ихъ полеводствѣ. Осеню за Кубанью въ стенихъ аулахъ дышатъ тамъ и сямъ локомобили, приводя въ движение молоты, набрасывающія горы соломы. Землю пашутъ усовершенствованными плугами. Возникновеніе двухъ обширныхъ маслобойныхъ заводовъ бр. Аведовыхъ, въ Армавирѣ и Екатеринодарѣ, заставило чукчесовъ значительно увеличить посѣвы подсолнечника. Зажиточность черкесовъ вообще и изучающихъ извѣстія абадзеховъ въ настоящее время вѣнчаетъ сомнѣнія. Это замѣтно и по многочисленнымъ стадамъ, гуашимся близъ ауловъ, и по большими табунамъ, бродящимъ по степи. До сихъ поръ ка-

льмы считаютъ на коровъ; иногда, особенно у зорковъ, они доходятъ до 200 коровъ. У рѣдкаго абадзеха иѣтъ десяти коровъ. Въ лѣтнее время скотъ отгоняютъ на горный пастбище: абадзехи арендуютъ у нагорныхъ станицъ расположенныхъ по Курджи-ису, Бѣлой, Фарсу, плоскогорія и до осени наступать тамъ свѣтлая стада и табуны. Горской рогатый скотъ не отличается раньше величиною, хотя значительно былъ крупнѣе абхазскихъ коровъ, похожихъ скорѣе на рогатыхъ телятъ, чѣмъ на взрослыхъ животныхъ. Лошади отличались выносливостью и ловкостью, въльно высокаго роста, стройныя, они способны были дѣлать искромѣй замѣчательные перѣѣзы. Въ преданіяхъ абадзеховъ сохранились воспоминанія о томъ какъ абадзехскіе удальцы проѣзжали за Кубань еще до учрежденія кавказской линіи и грабили поселенія по Доку, послѣ чего посыпались по придонскимъ и иризовскимъ стенимъ неувидимые для преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ. Позднѣе абадзехскіе эджееты (у кабардинцевъ они назывались абрѣли) наносили много вреда русскимъ порубежнымъ поселеніямъ, надѣясь на выносливость и быстроту своей лошади. Въ одну ночь они съ ястребомъ (плѣнными) уѣзжали за 100—120 верстъ.

Своихъ денежныхъ знаковъ у абадзеховъ не существовало, ихъ замѣняли турецкія, а затѣмъ и русскія металлическія деньги, но въ большинствѣ случаевъ купля и продажа были мѣнью. Въ періоды затишья въ борьбѣ русскихъ съ черкесами, послѣдніе съ удовольствиемъ посыпали русские мѣновые дворы, гдѣ за скотъ, кожи, лошадей получали соль, ткани, металлическія изделия: котлы, пилы, топоры и проч. Мѣновою единицею была корова.

Абадзехи, вопреки обычаямъ некоторыхъ горскихъ племенъ, напримѣръ, карачаевцевъ, не брезгуютъ торговлей; въ Хакурино-хабль мы поразились обилиемъ лавочонокъ, въ которыхъ кроме нѣсколькихъ коробокъ сничекъ, кусковъ мыла, гвоздей, керосину ничего не было. Мы спросили у старшины о причинахъ подобнаго явленія. Въ отвѣтъ получили заявленіе, что дѣло здѣсь не въ торговлѣ бакалейными товарами, а въ хлѣбной ссыпкѣ: всѣ лавочки вмѣстѣ съ тѣмъ и хлѣбные складчики; что послѣднее занятіе считается очень прибыльнымъ. Думается, кромѣ того, что торговля побуждаетъ и природную лѣнивость и склонность къ разговорамъ и необыкновенное, прямое детское любопытство, которое отличаетъ даже сѣдыхъ почтенѣйшихъ стариковъ и понуждаетъ

*.) «Косить правильными ручками» — итти шеренгой, при чёмъ каждый косарь отстаетъ отъ своего сосѣда, идущаго впереди, по крайней мѣрѣ, на пять взмаховъ. Косарь, идущий впереди, называется ручкой. — «Косить въ кружокъ» — выкашивать траву вокругъ себѣ въ такимъ образомъ, подвигаться къ центру луга.

иъ по часамъ вести праздныя бесѣды, существование же лавочки иѣсколько оправдываетъ ихъ склонность къ праздности и болтливѣ.

По словамъ стариокъ, въ Абадзехіи процвѣтало иѣкогда кузнечное ремесло; въ горахъ добывали желѣзо, изъ которого выдѣлывали холодное оружіе; по колтугу дѣлать не умѣли: ихъ привозили „съ моря“ или изъ Кабертай (Кабарды). Всѣ видѣнія мною кольчуги очень чистой работы; иѣкоторые съ арабскими надписями. „Изъ Арабистана“, самодовольно заявилъ хозяинъ одной изъ кольчугъ, „делая этимъ особе то похвалить ее: все лучшее, но мнѣнію абадзею, изъ Арабистана. Оттуда же иѣкоторые уорки роды ведутъ свое происхожденіе.

Абадзехскія женщины съ большимъ искусствомъ занимаются золотымъ и серебрянымъ шитьемъ; особенно мелкій и красивый узоръ онъ выводятъ на маленькихъ бархатныхъ и суконныхъ шапочкахъ, которая носятъ дѣвушки; въ послѣднее время длинныя конусъ идины шапки замѣнили почти повсемѣстно низенъкими круглыми бархатными, преимущественно краснаго цвѣта шапочками.

Бурки, ноготици, чевики, сѣда, узечки, чепраки, черкески, напахи,—всѣ принадлежности всадника,—приготавляются дома; избытоктъ продаютъ, преимущественно въ Екатеринодаръ, гдѣ этотъ товаръ охотно раскупаются казаками, ноющими одвородную одежду и снаряженіе.

VI.

Воспитаніе. Ата чество. Бракъ. Похороны. Религіозныя возрѣнія.

Абадзехи, какъ и всѣ адиге, на воспитаніе обращали серьезное вниманіе. Мальчики и юноши въ старину воспитывались очень строго: изъ нихъ вырабатывали нога, владыку семьи, свободного и свободолюбиваго члена демократического государства, какимъ была Абадзехія.

Мальчики воспитывались на женской половинѣ, въ „хозяйской“, до семи лѣтъ. Отецъ тогда упражнялъ сына въ метаніи ножа, коня, камня, кинжала, въ стрѣльбѣ въ Ѣль, сначала въ неподвижную, затѣмъ въ движущуюся; мальчики „пронзали въ небесахъ орловъ“, какъ это еще Пушкинъ отмѣтилъ въ своемъ „Кавказскомъ изѣнникѣ“. Затѣмъ слѣдовала верховая Ѣза, джигитовка со всѣми ея головоломными упражненіями. Ида на охоту, отецъ бралъ сына съ собою и приучалъ его ко всѣмъ охот-

ничимъ хитростямъ, объяснялъ приемы и свойства звѣрей, училъ подражать имъ крику. Абадзеи—лѣсные люди—во многомъ напоминали индійцевъ Купера: они имѣли множество условныхъ знаковъ, условныхъ криковъ, свѣтотъ. Отличались го обыкновенною чуткостью, ловкостью въ преслѣдованіи добычи, мышечною силой: они зачастую въ одиночку отправлялись на опасную охоту за зубрами, барсами и медведями. Безъ сомнѣнія, мальчики, выросшій въ подобной охотничьей и боевой обстановкѣ, самъ становился отважнымъ схѣтникомъ и опаснымъ воиномъ.

Дѣвочки находились до выхода замужъ подъ зорокъ матери, которая должна была научить ихъ рукодѣлію, домоводству. Абадзехскія дѣвушки довольно го рано выходятъ замужъ, въ противоположность дѣвушкамъ другихъ кавказскихъ племенъ, у горыхъ отдавали въ замужество даже двадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Абадзеи отдавали замужъ своихъ дочерей 18—20 лѣтъ. Благодаря этому обстоятельству красоту онѣ съ рачили въ замужествѣ дольше. Дѣвушкамъ предоѣзвалась большая свобода, но онѣ рѣдко злоупотребляли ею. При всей склонности своей, онѣ держали себя очень недоступно. Теперь, вслѣдствіе влиянія обычая другихъ племенъ, у абадзею встрѣчаются раннія замужества—15, 16 лѣтъ.

У абадзею былъ въ большомъ ходу обычай *атамъчества*. Особенно онъ развился благодаря множеству кабардинскихъ княжескихъ семействъ, бѣжавшихъ въ горы Большой и Малой Табы съ родинами, которою завладѣли русскіе. Всѣ абадзехскіе уорки имѣли „атамъковъ“, т. е. воспитателей своихъ сыновей или дочерей. Внѣследствіи атамъкомъ стали звать и воспитатника. Для тѣлекотля (свободнаго крестьянинаго) было и почетно и выгодно принять на воспитаніе ребенка богатаго, сильнаго и знатнаго человѣка. Съ другой стороны, уоркъ (если это былъ абадзехъ) или пини (если это былъ бжедухъ) считали необходимымъ удалить отъ себя дѣтей, чтобы получить не изѣженныхъ, сильныхъ юношей или дѣвушекъ. Воспитатель прилагалъ всѣ усилия, чтобы его воспитанникъ былъ совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ: это былъ самый бдительный гувернѣръ, всецѣло овладѣвавший помыслами воспитанника; неудивительно поэтому, что атамъковъ любили больше, чѣмъ родныхъ отцовъ.

На семнадцатомъ году атамъкъ торжественно, въ сопровождении моего слѣпнаго эскорта, стрѣлившаго и джигитовавшаго, водворился въ домъ отца, который задаривъ воспитателя лошадьми, оружиемъ, скотомъ; при этомъ пиры продолжались иѣ-

олько дней. То же совершалось при возвращении въ домъ дѣвушки; при выходѣ послѣдней замужъ калымъ иногда отдавался воспитателю.

Съ семнадцати лѣтъ юноша начинай участвовать въ хищническихъ предпріятіяхъ, въ „куйѣ“, небольшой шайкѣ, промышлявшей разбоемъ. Заслужить прозвище храбраго было мечтой каждого юноши. Выйти замужъ за такого храбреца было мечтой каждой дѣвушки.

Въ мирное время юноши и дѣвушки свободно сходились; устраивались хороводы: юноши, поддерживая подъ руки сосьдокъ, притопы я, двигались, подъ звуки деревянныхъ дощечекъ и желѣзной дудки, то вправо, то влево. Хороводъ смѣялся пляскою отдельныхъ паръ; дама то плавно ускользала, грациозно подымая руки то въ одну, то въ другую сторону, танцоръ энергично ее преслѣдовалъ, артикулируя ступни ноги и плавно взмахи руками; иногда, прижавшись другъ къ другу и держа другъ друга за руки, гара за парою, притопывая и слегка присѣдая, плавала среди большого круга зрителей, мѣрою похлонявшихъ рукою обѣ руку, въ аккомпанементѣ трещотокъ (ихечичъ) и длинной дудѣ, а въ из тоящее время и гармоникѣ *). Послѣдній инструментъ въ большомъ употребленіи у дѣвушекъ: онъ достигаютъ настоящей виртуозности въ игрѣ на немъ.

Молодежь любить „сумерничать“, особенно пѣдь пытницу. Въ вечернемъ воздухѣ падъ ауломъ висить до глубокой ночи тогда какой-то илачущій вой, похожій на теноровый тонъ паровозного гудка въ отдаленіи или на воиль комара, приближающагося къ уху. Мы долго не могли различить, комарь ли поеть крыльями, или это тягучій плач иоющаго абадзеха. Гармоника, аккомпанируя пѣнъ, то даетъ такія же тягучія ноты съ переливами, то, останавливаясь, затрешеется, чтобы затѣмъ снова ианизывать одну длинную поту ва другую.

Въ древности абадзехи, сѣдуя первобытному праву, широко пользовались правомъ умыкания невѣсть. По свидѣтельству Шора Бекмурзинъ Ногмова **), мужчины на игрицахъ выбирали себѣ невѣсть и безъ всякаго обряда соглашались жить вмѣстѣ. Свадебные обряды соблюдались во всей ихъ строгости уорками. Сговорившись съ дѣвушкой о днѣ и часѣ, женихъ увозить невѣ-

*) Танецъ уджи—тройка, съ кавалеромъ въ срединѣ; истлами—кабардинскій танецъ; хакуаджы—танецъ двухъ паръ.

**) „Исторія адигейскаго народа“, 36.

сту домой. Приглашеній эфенди (священникъ) благословляетъ позоврачныхъ, при чемъ пишется бѣ іное условіе. Свадебная торжества продолжаются недѣли днѣ. Женихъ не рѣшается показываться на глаза родныхъ, особенно отца, скрывается у знакомыхъ и только поздною ночью прокрадывается къ женѣ. То пестченія двухъ не ѡль друзья, у которыхъ онъ скрывался, одаривъ его чѣмъ могутъ, торжественно зедутъ и водворяютъ его въ его домъ. Мужчины женятся обыкно ино въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ; дѣвушки же—отъ 18 до 20. Къ ѿмъ уорковъ доходитъ до 900 рублей, тльфокотли *) платить 600 р., пишти 400—500 р. Бѣдники женятся, не взирая на отсутствіе калымъ,—нужно только согласіе родителей невѣсты. Изъ общей суммы калыма половина выдается на руки женѣ. Часто невѣста соглашается на фиктивную сѣдѣлку съ женихомъ, и не получаетъ на руки всей слѣдующей ей по брачному договору суммы. Въ случаѣ если мужъ отошлетъ ее къ роднымъ, калымъ не возвращается. Случаевъ измены со сторожъ женщинъ у абадзеховъ наблюдается мало. Жена находится въ полной зависимости отъ мужа, но въ семействахъ уорковъ пользуется большой свободой и самостоятельностью.

Семейная жизнь абадзеха въ настоящее время протекаетъ ровно и спокойно: жена сидѣть домъ: хозяйничаетъ, онъ работаетъ въ полѣ, пасетъ скотъ и лошадей, торгуетъ, принимаетъ въ кунацкой гостей,—обычай самаго широкаго гостепримства начинаетъ всѣхъ очень тяготить своею разорительностью.

Во времена болѣзни на больного вѣщаются амулеты, записки съ текстомъ изъ корана **). Во времена тяжкой болѣзни, когда аульный лѣкарь призывалъ свое безсиліе, раньше употреблялось слѣдующее радикальное средство: родственники больного, исперемѣнившись присутстви въ комнатѣ, не давали ему засыпать: били въ мѣдную посуду, у порога клади желѣзный предметъ, въ который каждый производилъ пѣсколько ударовъ; въ комнатѣ нарочно шумѣли, громко разговаривали, разодѣтыя по-праздничному дѣвушки пѣли и писали.

Съ большимъ искусствомъ горекіе врачи лѣчили раны, при чемъ рѣдко прибѣгали къ ампутациіи, а исключительно прикладывали травы и мази.

*) Свободное крестьянское сословіе; нынѣ иѣкоторые тльфокотли въ своемъ годовомъ достоинствѣ сравнялись съ уорками.

**) Иногда рѣжутъ черную курицу, варятъ ея мясо и даютъ его есть больному.

Похороны производились по обычаю, торжественно: тѣло заворачивалось въ савань и относилось на кладбище. Могила рылась не особенно глубокая, измогильный холмъ не отличался своею высотою. Въ головахъ и въ ногахъ ставились и нынѣ стоятъ толстые деревянные столбы; иногда они замѣнялись каменными. Могила обыкновенно огорожена плетнемъ. На кладбищѣ, обнесенномъ высокою изгородью, растетъ нѣсколько дубовъ; но никакихъ попытокъ запечатлѣть имя умершаго арабской надписью мы не нашли.

Абадзеховъ отчетливо сохранились воспоминанія о языческомъ культе. Представаніе о Единомъ Гогѣ древнимъ абадзехамъ не было чуждо. Божество это они называли Ахынъ. Приносить жертвы Ахыну они собирались къ священнымъ дубамъ (*тхачон*); здѣсь они рѣзали священную корову; старики призывали Ахына помочь народному бѣдствію, затѣмъ корова дѣлилась на части и тутъ же съѣдалась. О сожжении жертвенныхъ остатковъ воспоминаній не сохранилось.

Легенда повѣствуетъ, что Ахынъ нѣсколько разъ посыпалъ абадзехамъ, въ бытность ихъ еще въ долинѣ Шахе, священную корову (*чемитярюкъ*). Случалось это въ годины бѣдствій. Поклоненіе дубамъ сохранилось до постѣдняго времени. Старый абадзехъ, Тухъ Едиговъ, въ Хакурини-хабль, рассказывалъ намъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ абадзехъ близъ Гойтскаго перевала говорилъ своимъ сыновьямъ: „вы исповѣдуйте свою религию, а я буду молиться по обычаю предковъ“—и ходилъ въ лѣсъ къ одному дубу, вокругъ которого было множество костей, и долго молился тамъ. Умеръ онъ ста десяти лѣтъ. Полковникъ Каменецъ, посѣтивший долину Иссекуна непосредственно послѣ ея очищенія абадзехами, въ 1864 г., указываетъ *), что подобное лѣсное святилище существовало близъ Псефабе (Горячаго-Ключа), что множество жертвенныхъ костей у нѣкоторыхъ дубовъ, а также личныхъ указанія акомыхъ его старыхъ мѣстныхъ абадзеховъ свидѣтельствуютъ это **).

*) „Куб. Обл.“, 1864 г., № 35.

**) Кромѣ Ахына у абадзеховъ почитались слѣдующія божества: Шиблѣ, богъ грома, Мезитха, Богиня охоты, Тлебшъ, богъ желѣза и оружія. Кромѣ этихъ боговъ абадзехи рѣрили въ здѣсь и колдуноў; они собирались на шабашъ на гору Соберь-уашъ, недалеко отъ Екатеринодара, близъ Азовской станицы. Кланы у абадзеховъ состояли въ призываѣи бога Ахынъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вѣзвѣйши втыкать въ землю палку, брался за нее и говорилъ: «Ахынъ, я сдѣлаю и т. д.»

Слѣдовъ христіанства, къ съжалѣнію, мы не удалось открыть: почему-то всѣ старики настойчиво отвергали мысль, что ихъ предки могли быть христіанами. Дальнѣйшія изслѣдованія религіозныхъ возрѣй абад. ховъ, вѣроятно, отъ юга останки христіанства. Однако, слѣдуетъ отмѣтить любопытный фактъ, подтверждающій и нашими личными путешествіями и самими тщательными разспросами абадзехортъ,—во всей Абадзехіи нѣть никакихъ намековъ на существование церквей. Вообще, по нашимъ наблюденіямъ, остатки христіанскихъ древностей на сѣверо-западномъ Кавказѣ не переходягъ за линію, пролѣтѣнную отъ Сандришскаго храма (въ 16 верстахъ къ юго-востоку отъ м. Адлеръ, Черноморской губ.) къ въходу въ р. Уруна (въ Баталпашскомъ отдѣлѣ Кубанской области), и нигдѣ въ л. ературѣ о сѣверо-западномъ Кавказѣ нѣть никакихъ намековъ на существованіе церквей къ сѣверу отъ вышеуказанной линіи, за исключеніемъ лѣтописного сказанія о постройкѣ церкви Богородицы въ Тмутороканіи въ иславомъ Чемнѣмъ (Тмутороканскимъ, 1012 г.) и о существованіи тамъ че монастыря, основанного въ 1059 году Икономъ, игуменомъ кіево-печерскимъ.

Магометанство насаждено среди черкесовъ крымцами: по словамъ кабардинскихъ преданий, по приказанію турецкаго султана, крымскіе ханы Девість-Гирей и Азъ-Гирей (въ 1717 г.) распространяли исламъ огнемъ и мечомъ; при этомъ, по словамъ кабардинского предания, многие *шлены* (священники) были убиты, книги ихъ сожжены, настырскіе жезлы ихъ расхищены, отчего даже произошла слѣдующая поговорка: „чтобъ твое имущество было расхищено, какъ расхищены были шогенскіе жезлы“ **). Магометанство пришло въолѣ по душѣ абадзехамъ, ибо воинствующая религія давала полный просторъ воинственнымъ наклонностямъ абадзеховъ. Моллы и эфенди, въ своемъ свирѣпомъ фанатизмѣ, были ярыми сторонниками войны съ русскими, и нижне абадзехи, которымъ первымъ пришлося притти къ столкновенію съ русскими, посыпали къ своимъ единоплеменникамъ, „горхинъ“ абадзехамъ, не уорковъ или знаменитыхъ тальфокотлей, а моллы и эфенди. На *межкъме* (народное собраніе) часто рѣшающее слово принадлежало эфенди.

Въ настоящее время значение эфенди нѣсколькопало, благодаря тѣже-му бремени, которое аульное духовенство возлагаетъ на свою паству: изъ отдаваемой духовенству десятой части

*) Шора Бекмурзинъ Ногмовъ. «Исторія адигейскаго народа», 45.

съ доходовъ, получаемыхъ добрымъ чусульманничомъ, одна трети должна распредѣляться между бѣдными аула; эфенди, однако, не выполняютъ этого въ точности, и этимъ вызываютъ неудовольствія среди народа. Наденію былого высокаго положенія духовенства содѣйствуетъ и многочисленность рас. юдивившихъ эфенди. Должность эфенди получить нетрудно. Кандидатъ въ эфенди знакомится такъ или иначе съ содержаніемъ корана; экзаменъ сдается у кадія (благочиннаго), въ присутствіи помощника атамана отѣла. Удовлетворительно сдавшій экзаменъ возвращается въ родной аулъ и назначается „состоять“ при какой-либо изъ многочисленныхъ аульныхъ мечетей. Иногда прибѣгаютъ къ сѣдующему способу доставить себѣ штатное мѣсто: молодой эфенди строитъ на собственныхъ средства мечеть (большихъ расходовъ не требуетъ эта постройка, малымъ отличающаяся отъ обыкновенныхъ саклей); новая мечеть спачала посѣщается родственниками строителя, къ нимъ мало-по-малу начинаютъ примыкать ближайшіе съ юди, за ними дальние, и мечеть считается открытой, если наберется 50—100 пръхожихъ. Тогда эфенди начинаетъ собираться съ нихъ десятину и править требы. Въ общемъ, абадзехское духовенство нельзя назвать богатымъ, что обуславливается „предложеніемъ, превышающимъ требования“.

VII.

Эпическая поэзія абадзеховъ. Характеристика и значеніе былинъ о вартахъ. Былины о Шыбатвукѣ, о женитьбѣ нарата Аргуна на княгинѣ Сатанай, о Саусурукѣ (Сөерука), о Саусурукѣ и вартахъ, объ Аммезѣ, о Хёмишко-Петеревѣ.

Изъ искусствъ у абадзеховъ въ большомъ почетѣ была эпическая поэзія, иѣсни о вартахъ (богатыряхъ) и историческія иѣсни, въ кото: рѣ прославлялись подвиги князей, уоржохъ, тльфотлей въ какомъ-нибудь сраженіи. Подобныя иѣсни, очень часто милюцированныя, сопровождались игрою на *шининѣ* (родъ скрипки). Подобныя иѣсни слагались на подобіе слѣдующей, сложенной по случаю Бзюкской битвы:

Шинакъ у него какъ солнце блесталъ.—

Какъ солнце онъ сиялъ у насъ—

Сражайся, Батгирей!

Упала ильетъ изъ руки, и самъ онъ упалъ,

Какъ луна западаетъ за лѣсъ—

Сражайтесь, храбрецы!

О, Батгирей, по тебѣ плакать убивается
Красавица, язвѣста твоя, Гошемафъ!—

Сражайтесь, храбрецы!

„Отомстимъ врагамъ!“ раздался общий крикъ,—

Сражайтесь, храбрецы!

Онъ былъ одѣтъ въ кольчугу, онъ храбро сражался—

Пшемафъ Батковъ.

Ночью онъ охранялъ товарищъ, какъ крѣпкая стѣна—
Анчекъ Ахеджаговъ.

Онъ раненъ былъ въ бокъ, но, схватившись за грину коня,
Сражался съ врагами—

Бекъ-Мирза Ахеджаговъ.

У него лицо было, какъ желѣзо, и самъ онъ былъ,
Какъ желѣзо—

Берсегъ Едиговъ *.

Богатырь твой эпосъ абадзеховъ, судя по записаннымъ мною образцамъ, не отличается самостоятельностью. Нѣкоторые народы, выведенные здѣсь, фигурируютъ въ эпосѣ, напр., карачаевскомъ, кабардинскомъ, даже осетинскомъ.

Адигейскій былевой эпосъ есть общее твореніе западногорскихъ племенъ; зерно же былинъ въ сюжетахъ, быть можетъ, восходить къ эпосу персидскому, какъ это превосходно доказано проф. Вс. О. Миллеромъ, напр., по отношенію къ сюжетамъ южно-русскихъ былинъ **). Намъ думается, что сравнительное изученіе былевого эпоса адигейскихъ племенъ и кабардинского, съ одной стороны, и эпоса карачаевского, осетинского и древн资料 южно-русского, съ другой,帮忙ть нѣсколько параллельныхъ родственныхъ сюжетовъ въ эпосѣ этихъ столь различныхъ по происхожденію и составу своему племенъ.

Проф. Вс. О. Миллеръ прослѣдилъ судьбу нѣкоторыхъ героеvъ и доказалъ, что и Владимиръ-Красное Солнышко, и Илья Муромецъ, и Соловей Разбойникъ, многіе факты ихъ жизни, начиная съ встречи Ильи съ сыномъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, нѣкоторыя богатырскія ухватки, напр., приемъ „маханий татарянинъ“, и многочисленные другія подробности похожденій

*) Записана отъ князя Камгуя Ахеджагова въ аулѣ Бжедугъ-хабль. Изъ нея въ болѣе полномъ видѣ приведена въ „Канк. войны“, Потто, т. I, стр. 577.

**) См. «Экскурсъ въ область русского народного эпоса», Вс. О. Миллера.

Ильи давно известны иранскому эпосу, объединенному в знаменитой „Шахъ-наме“ — „книгѣ царей“, персидской „Иліадѣ“, редактированной Фирдоуси. Отзвуки этой поэмы найдемъ и въ эпосѣ индійскомъ и въ эпосѣ кавказскихъ народовъ: напримѣръ, чотири борьбы съ сыномъ (судьба Рустема и Зохраба) известны многимъ кавказскимъ племенамъ, въ томъ числѣ и адыгейскимъ. Мнѣ отъ многихъ абадзеховъ приходилось слышать о существованіи въ ихъ народской поэзіи сюжета, содержаніе котораго заключается въ томъ, что отецъ где-то родилъ сына-богатыря, вслѣдствіи съ имъ встрѣтился на полѣ битвы, и, убивши, узналъ о своей ошибкѣ. Къ сожалѣнію, никто мнѣ не могъ подробнѣе передать содержаніе былины *). Задача изслѣдовъ зла адыгейского эпоса и заключается въ сближеніи народскихъ сказаний съ русскими былинами, съ одной стороны, и осетинскими, грузинскими, персидскими сказаніями, съ другой. При этихъ только условіяхъ и возможно найти послѣднее звено цѣли, связывающей былинные сюжеты кіевского эпоса съ эпосомъ индійскимъ, ибо будетъ тогда точно определенъ путь географическаго распространенія исхожихъ съ линий сюжетовъ.

Абадзехскія былины.

1. Нартъ Шѣбатнукъ.

Нартъ **) Шѣбатнукъ Строгій, славный воитель, наводивший страхъ на своихъ многочисленныхъ враговъ, не спросивъ ни у кого про путь-дорогу, выѣхалъ въ поле, на добичу. Скоро путь ему преградила мать Кубань-рѣка. Остановилъ лошадь Шѣбатнукъ, кѣлко подтянувшись подируги, сѣлъ на коня, ударилъ его плетью и переплылъ рѣку и выѣхалъ на Агелиинский обрывъ. Увидавъ онъ здѣсь настуха нартовъ и табуны ихъ коней. Тихо приблизился къ нему Шѣбатнукъ и сѣлъ ему на грудь. Проснувшись, настухъ закричалъ: «Пусь выѣзжутъ глаза мои, что не видали тебя! пусть оглохнутъ уши мои, что не слышали тебя! Добро пожаловать, Шѣбатнукъ! будь моимъ гостемъ: зарѣжу я для тебя четырехгодовалаго быка и жирнаго барана, открою для тебя кувшинъ лучшаго вина (санъ)». Такъ сказалъ Шѣбатнукъ настуху.

— «Нѣть», отвѣчалъ Шѣбатнукъ: «кушай самъ на здоровье, угощай другихъ гостей, которые будутъ имѣть до тебѣ дѣло, а

*) Мною, впрочемъ, записана инженернедѣльная былина съ сюжетомъ, напоминающимъ сказание о Рустемѣ — былина «Нартъ Сосрока».

**) Богатырь.

я не пировой человѣкъ: єду я по своему дѣлу, къ дому старого Аладжука. Скажи, не знаешь ли дороги къ нему?»

— «Дорогой гость мой, дороги не знаю: живу я въ одиночествѣ; однако, слышалъ, что доктор Аладжугъ высокъ и далеко виденъ: стоять онъ на столбахъ, которые сдвоены притягивать изъ лѣсу восемь быковъ, а вышею тѣ столбы по грудь лошади; огороженъ домъ высокимъ заборомъ изъ терновника. Вѣхатъ можно черезъ одни глоты. Много сильныхъ чародеевъ проѣзжало въ эти ворота сватать Агуардъ, дочь Аладжука, и все сно тыкались о порогъ воротъ; выпиню же этотъ порогъ по грудь лошади твоей Форъ. Споткнется твой Форъ, а дѣница-то и увидить и застыдеть тече...»

Шѣбатнукъ сказалъ: «Не боялся бы и Бога, не отвѣдалъ бы я у тебя хлѣба-соли, локтемъ бы сразилъ тебя за такія рѣчи: не накинай на меня бѣди и не позорь моего Фора». Сказавъ это, Шѣбатнукъ ударила плетью Фора и отиравися въ поле куда глаза глядятъ. Щить его блестѣлъ, какъ молния, изъ-подъ копытъ высоко въ небо летѣли комы черной земли, двѣ гончіи собаки бѣжали за лошадью, а охотничіи ястребы высоко летали подъ облаками: что собаки вѣ угивали, то ловили ястребы. Такъ три дня щѣхалъ Шѣбатнукъ.

Наконецъ, приѣхалъ нартъ на высокую гору; посмотрѣвъ: стоять высокой длинный белый домъ; во дворѣ густой терновый заборъ. У окна сидѣть красавица и пьетъ. Посмотрѣла красавица въ окно, вскочила и закричала: «Матушка! матушка! кто назывѣтъ красавецъ-богатырь; никогда я не видывала такого красавца. Матушка! приготовься хорошо его встрѣтить и попотчевать: закати рукава по локти, а штаны по колѣна, и пеки и вари для желаннаго гости кушанья и напитки. А сама я пойду ему навстрѣчу: съ почетомъ провожу его въ кунацкую, вымою бѣлье ему, оботру его загрязнившееся тѣло; расчену ему его длинный чубъ». Шѣбатнукъ уже приблизился къ воротамъ, уже вѣхалъ во дворъ, уже спрыгнулъ съ коня, уже подымается на крыльцо. Вышла тутъ мать Агуардъ и сказала: «Съ радостью принимаемъ тебя, дорогой гость. Если желаешь, дочь моя Агуардъ будетъ за тобою ухаживать». Шѣбатнукъ сказалъ: «Я не пираница и не гуляка, — я єду на собраніе нартовъ». Въ это время ворота заперли. Разсердился нартъ, что его заперли, вскочилъ на Фора, ударилъ его такъ, что столбы, подпиравшіе крышу, упали, сшибъ заборъ и щѣхалъ.

Три дни онъ ъха... и: щить его блестѣлъ, какъ молния, изъ подъ копытъ высоко въ небо летѣли комы черной земли, двѣ гончія собаки бѣжали за лошадью, охотничіи ястребы възко подъ облаками летали: что собаки вспугивали,—ловили ястребы. На третій день приѣхалъ онъ къ кургану Харамъ-усахъ (Грѣшный курганъ). Посмотрѣль съ кургана и увидѣлъ собраніе нартъ. Здѣсь былъ главный Саусурукъ *), Альбеджъ, Аджукъ, отецъ Агуардъ. Посмотрѣль Саусурукъ въ подзорную трубочку: увидѣлъ черную точку; посмотрѣлъ еще разъ: увидѣлъ могучаго нарта. «Это нартъ изъ Чирта», сказалъ Саусурукъ: «больше неѣтъ куда явиться такому богатырю. Если вѣжю обойдется, гостемъ будетъ; если врагомъ окажется, дратъся будемъ». Тогда всѣ нарты сказали: «одинъ верховой противъ общества не войско». Въ это время подѣхалъ Шѣбатнукъ, метнувъ коньемъ, и оно вонзилось въ землю; скрыгнулъ съ коня и привѣтствовать нартовъ. Тѣ его новели въ кунацкую и съ радостью предложили ему мяса и вина. Хотѣли коне его пристести, но никто не смѣлъ его даже сдвинуть съ мѣста; взялись десять человѣкъ,—и коне не шелохнулось. Поднялся тогда Саусурукъ, подошелъ къ коню, помочился и него, раскачалъ и вытащилъ. Съ большими трудомъ, съ помощью остальныхъ нартовъ, онъ внесъ его въ кунацкую, и прислонили къ потолочной балкѣ: та треснула; положили на сундукъ: тотъ опрокинулъся. «Чтобъ вѣсъ подавило коня,—давайте его сюда!» сказалъ разсердившійся Шѣбатнукъ и взялъ коня себѣ. Когда нарты ванились, Шѣбатнукъ сказалъ: «Принесите чѣсколько мѣшковъ подводныхъ орѣховъ, колючки, и наложите на вѣсъ по колѣна». Повелѣніе гости исполнили: наложили орѣховъ и колючки по колѣна. Тогда Шѣбатнукъ сказалъ: «Потанцуйте, то хочеть». Но никто не захотѣлъ танцевать. Тогда Шѣбатнукъ взялъ въ руки рогъ съ 1 ломть, поднялъ его на голову и, стоя у дверей, сталъ танцевать. Громъ и трескъ оглушилъ нартовъ, и они хотѣли удалиться, но ихъ не пустилъ Шѣбатнукъ. Отъ танца нарта двери сорвались съ петель, балки стали трещать и падать, и скоро все колючки и орѣхи превратились въ муку. Удивились нарты и просили 1 батиука перестать. Разсердился Шѣбатнукъ и сказалъ: «Здѣсь не мѣсто миѣ: здѣсь я пить и веселиться не хочу». Такъ онъ сказалъ, и подѣхалъ. Собрались нарты на совѣтъ, и рѣшили помириться съ Шѣбатнукомъ. Отецъ

*) Карабаевскій Сосрука, кабард. Сосруко. Типъ богатыря, аналогичный Ильѣ Муромцу.

Агуардъ сказалъ: «Кто вернетъ Шѣбатнuka, тому дочь свою Агуардъ дарю». Поскакалъ къ Шѣбатнukу одинъ нартъ,—тотъ отказался вернуться; поскакалъ другой—тоже отказался. Поскакалъ тогда Саусурукъ. Догналъ и сказалъ: «Сѣль, мнѣ однажды: вернись къ нартовскому вѣчу, и ты принесешь мнѣ счастье: я возьму въ жены прекраснѣю Агуардъ».

Ради Саусурука Шѣбатнукъ вернулся. Нарты встали и привѣтствовали его. Шѣбатнукъ сказалъ имъ: «только ради Саусурука я вернулся; съ вами же я и желаю имѣть никакого дѣла». Сказалъ такъ, Шѣбатнукъ уѣхалъ. Отецъ красавицы Агуардъ тогда отказался отдать ее Саусуруку. Тогда Саусурукъ сказалъ: «Я вернулся Шѣбатнuka, но не обязался защищать его съ лошади. Ты не господинъ своему слову, и я уѣзжаю». Такъ онъ сказалъ и, ударивъ лошадь плетью, уѣхалъ. Отецъ Агуардъ опечалился: теперь противъ него было два знаменитыхъ нарта. Онъ захотѣлъ защитить себя, и пошелъ въ кузницу Тленисъ и закалилъ тамъ три стрѣлы. Узналъ объ этомъ Саусурукъ, и напустилъ на всю окрестность морозъ. Отецъ Агуардъ вышелъ было въ поле, споткнулся, упалъ, и сломалъ дѣвь стрѣлы. Вернулся тогда онъ домой, указалъ дочери на обоихъ нартовъ, Шѣбатнuka и Саусурука, и сказалъ: «Кого же... видѣть мертвымъ?» Агуардъ показала на Саусурука, который находился посреди горю. Агуардъ сказала: «Стрѣляй!» Отецъ Агуардъ подумалъ такъ: «слѣдуетъ всегда поступать вопреки желанію женщины». Выстрѣлилъ въ Шѣбатнuka, и отскѣкъ ему голову. Она скатилась внизъ и подкатилась къ воротамъ, къ ногамъ Агуардъ.

«Стой, Шѣбатнукъ!» сказала рѣдая Агуардъ: «я тебя омою, заверну въ чистое полотно и отошлю матери твоей». Такъ она сказала, такъ она и сдѣлала.

Убивши одного врага, отецъ Агуардъ сталъ преслѣдовать Саусурука и довелъ его до того, что тотъ рѣшился вѣстѣ съ лошадью притвориться мертвымъ: легъ на дорогу и пересталъ дышать. Услышавъ о смерти Саусурука отецъ Агуардъ и не покѣрилъ: послалъ нартогъ пробуравить тѣло Саусурука черезъ пятку и достать мозгу изъ головы. «Тогда я покѣю, что Саусурукъ мертвъ». Пробуравили нарты тѣло Саусурука, достали мозгу, привнесли отцу Агуардъ: понюхалъ тотъ и сказалъ: «А падалъ! не только мертвъ, но и сердце бѣтъ!» Агуардъ сказала: «Не только мертвъ, но уже смердитъ!». Сѣль на коня отецъ Агуардъ и подѣхалъ самъ посмотреть на тѣло Саусурука. Подѣхалъ и уда-

риль по костямъ: въ одинъ мигъ вскочилъ Саусурукъ и однимъ ударомъ отсѣкъ голову отцу Агуардъ. Затѣмъ рѣхалъ къ Агуардъ и женился на ней.

2. Женитѣба нарта Аргуна на княгинѣ Сатанай.

Собрались нарты на вѣче и рѣшили похитить княгиню Сатанай. Не было на вѣтѣ одного только нарта Аргуна. «Гдѣ Аргунъ?» спросилъ нарты.—«Аргунъ между Улемъ и Лабой пасеть свиней». Послали за нимъ гонца. Пріѣхалъ къ Аргуну гонецъ, а тотъ не хочетъѣхать,—велитъ ему пересчитатъ свиней. Считалъ, считалъ гонецъ,—не могъ всѣхъ пересчитать. Вернулся гонецъ на сѣть чѣмъ. Послали второго,—вернулся и этотъ съ пустыми руками. Послали третьяго: тотъ сосчиталъ и остался насти свиней, а Аргунъ сѣѣль сто ложекъ каши, восемьсотъ колбасъ, осѣдалъ своего коня Суехучъ, и побѣхалъ. Увидавъ его, нарты привѣствовали его. Затѣмъ всѣ побѣхали похищать княгиню Сатанай. Увили въ ты во время пути, что конь Аргуна изѣт опережаетъ, что онъ только шагомъ идетъ, а ихъ кони рысью бѣгутъ, и побоялись, что Аргунъ раньше приѣдетъ и украдетъ Сатанай. Рѣшили они логубить его лошадь. «Нартъ Аргунъ», сказали они: «лошадь твоя хранить: завижь чѣмъ ноздри». Послушался Аргунъ,—заязжалъ ей ноздри башлыкомъ, и такъ стянулъ, что лошадь задохлась и упала. «Что я сѣѣлъ! задушилъ своего доброго коня!» закричалъ Аргунъ. А нарты посѣхались въ дальние побѣхали, а Аргуну сказали: «У кого лошади вѣтѣ, тотъ и участвовать не можетъ въ похищении Сатанай!»—«Хорошо», сказали Аргунъ: «у меня будетъ лошадь, и я буду участвовать въ похищении Сатанай!» Сязалъ онъ ноги своей мертвой лошади, дѣвались ее на землю и вошелъ догонять чартовъ. Видятъ они: догоняетъ ихъ Аргунъ,—прибанили они рыси. А онъ шагаетъ,—каждый шагъ—полетъ стрѣлы: перегналъ всѣхъ и скрылся изъ виду. Подѣѣждаютъ нарты къ аулу: видятъ, идетъ къ нимъ навстрѣчу Аргунъ, несетъ на плечахъ коня, а на конѣ сидѣтъ княгиня Сатанай. Посмѣялся онъ надъ нартами. Стыдно стало тѣмъ: повернули они въ горы. Вернулся онъ домой съ молодой женой. Прожилъ съ нею семь лѣтъ. Она родила ему сына Сосрука.

3. Нартъ Сосрука (по-абадзехски Саусурукъ).

— Дорогой мой Сосрука, милый мой сынъ Сосрука!
Бѣлое лицо, богатырь въ стальномъ панцирѣ,

Храбрый изъ храбрыхъ: въ твоихъ сильныхъ рукахъ
Мечъ голъ, какъ макъ, сѣѧть! Расскажи мнѣ,
Что видѣлъ на сѣѧть?

Отвѣчалъ матери Сосрука, разсердившись:
«Работай, мать, своими ножницами: не женское то дѣло—
зисть, что дѣлается на бломъ свѣтъ».

— «Не хочу я жить послѣ такихъ словъ», сказала княгиня Сатанай: «я тебя поила волнишъ: юромъ, я тебя гребла на дубовомъ жарѣ, а ты мнѣ говоришь такія грубости». Взяла она ножницы и хотѣла ими горло себѣ перерѣзать. Но Сосрука сказала: «Ножницы! сѣѣлайтесь свинцомъ!» Пожи на сѣѣлались свинцомъ: «А ты, мать, сѣѣлайтесь твердой, какъ дубъ,—и осталась въ живыхъ.

Стыдно стало Сосруку, что она обидѣла мать, и сказала онъ: «Гдѣ я въ полѣ; увидѣть тамъ два ханскихъ войска. Выѣхалъ оттуда нартъ. Я погнался за нимъ, и не могъ догнать. Погнался я назадъ. Отлянулся: онъ за мной скакать. Шагу я не сѣѣлать, а онъ догналъ меня. Его *асъю* *блсанажъ* (насѣмъ конь) летѣлъ надъ землей какъ вѣтеръ. Налетѣлъ на меня и придавилъ меня съ моимъ буланымъ кѣзѣмъ. Уналь я съ коня и локтями пронахалъ семь глубокихъ бороздъ по землѣ. Рѣчимаетъ онъ свою шапику и хочетъ мнѣ голову рубить. Я сказалъ ему тогда: «Позвольте рубить мнѣ голову. Назначь урочинный день, и я приѣду, а сегодня не мѣнай нашему пиру, который устроили нарты». Онъ сказалъ: «Нарты въ срокѣ никогда не отказываютъ. Назначаю и я тебѣ срокъ—завтра въ полдень будь у Соберь-Уаша^{*}). Такъ онъ сказалъ, и отсутствіе мени, а я побѣхалъ домой».

Княгиня Сатанай очень опечалилась. Пошла въ конюшню и говорить буланому коню своего сына. «Ты виловать въ сегодняшнемъ позорѣ моего сына: ты допустилъ, что его нартъ догналъ и сбилъ тебя съ ногъ». И хотѣла она его зарѣзать ножницами. Конь отскочилъ и сказалъ ей: «Не убивай меня, а вѣслуй! Возьми свой талисманъ, что блещетъ, какъ солнце, и укрѣпи его на груди своего сына, а чтобы талисмана не было видно, спей ему новую верхнюю одежду. Мнѣ же на гриву и на хвостъ навяжи сто колокольчиковъ. И если завтра мы не привеземъ тебѣ головы чужестранного нарта, даемъ тебѣ волю отсѣчь намъ обоими головы». Такъ онъ сказалъ. Тамъ и сѣѣла княгиня Сатанай.

^{*}) Гора близъ станицы Азовской.

Сосрука на другой день поехалъ къ горѣ Соберь-Уалъ. Близко горѣ. Видѣть Сосрука: стоять у подошвы горы всадничъ, ждеть его. Распахну въ Сосрука въ руною одежду: какъ солаце, засиять талисманъ. Замоталъ головою буланий и замахалъ хвостомъ: зазвенѣли звонки на сто изогетовъ сѣрѣлы: испугался Алонъ, конь иноземного панта: рванулся въ сторону.

«Чего испугался, кляча? бабынъ хитростей!» привыкнуть наrtle, и дернуль за уздечку тѣль, что губы порвали. Надѣть кочь на заднія ноги, и опрокинулся, — и всадника придавилъ. Сосрука сирлыгнула съ коня и отскѣкъ противнику голъ у. Привезъ онъ эту голову домой и показалъ матери. Та опечалилась и сказала: «Горе мнѣ! что ты сдѣлалъ? Это голова твоего двоюроднаго брата: это сынъ моей сестры, единственный сынъ! У него былъ отцомъ Альбеджъ. Слава о силѣ и храбрости Альбеджа далеко прошла по свѣту».

Княгиня Сатанай собралась и со своими приближенными, съ богатыми дарами поѣхала къ сестрѣ. Пріѣхала она, и никому не показывалась. На другой день приходить два джеугага *). Они начали иѣть свои вѣсли. Мать убитаго вышла и сказала имъ: «Непойте: у меня горѣ сынъ мой уѣхалъ, и я подаешь о себѣ вѣсти: чуетъ мое сердце, что онъ погибъ. Вы бродите по свѣту, вы много видите и много слышите: расскажите, не видали ли вы моего сына? не слыхали ли о немъ?» Джеваги сказали ей все, что знали о поединкѣ ея сына съ Сосрукой и о его смерти. Разсказавъ это, они скрылись. Мать бросилась за ними, но княгиня Сатанай ее удержала. Горько рыдала неутѣшная мать, долго помнила Сатанай и Сосруку. Но спустя вѣсколько времени успокоилась, и тогда княгиня Сатанай вернулась домой.

4. Сосрука и наrtle.

Однажды Сосрука вернулся домой безъ добычи. Мать и ея приближенныя сидѣли и плакали. «Чего вы плачете?» спросилъ Сосрука. — «Да вотъ, пока ты гдѣ-то єздила, наши наrtle успѣли домой вернуться съ боюгою добычей». Сосрука пошелъ къ наrtleмъ и предложилъ передѣлить добычу, сообразно степени храбрости каждого чарта. Тѣ не согласились, и предложили снова отправиться промыслить добычи. Ёдуть наrtle и забынутъ: это Сосрука на нихъ разсердился и навелъ сильный морозъ. Стало

наrtle просить Сосруку уѣхать отъ огня. Дѣвиль наrtle огонь, бросить его въ воду; горить огонь еще ярче. Бросились наrtle въ воду ловить его, — не дается. Вымокли все, а морозъ еще сильнѣе ихъ цищелить: оледѣли бѣдные, умоляютъ Сосруку согрѣть ихъ. Увидѣль Сосрука въ ущельѣ дымъ. Оставилъ онъ наrtle въ пещерѣ, а самъ поѣхалъ къ дыму. Видѣть: большой костеръ изъ стволовъ сосенъ и иначе. Около костра лежать великанъ Еныжъ и спитъ. Сосрука, по совету своего булашаго, подѣхалъ, слѣзъ съ коня, перелѣзъ черезъ Еныжа и взялъ голову. Проснулся Еныжъ, схватилъ Сосруку двумя наѣзами, и и ну его вѣртѣть, какъ мялочку, то въ одну, то въ другую сторону. Непріятно стало Сосрукѣ мягъ у пальчики великаны. Сталъ онъ просить Еныжа отпустить его. — «А ты кто?» спросе въ Еныжъ. «Я — Сосрука», отвѣчалъ Сосрука. Еныжъ засмѣялся и сказалъ: «Я много слышалъ о подвигахъ Сосруки и считать его великаномъ, а не такимъ маленькимъ, якъ ты. Ну, бери огия, сколько хочешь!» Взялъ Сосрука щипцами огия и привезъ въ пещеру. Обрадовались наrtle, о Сосрука привезъ огия. Приказалъ Сосрука жечь сѣда и грѣть одну сторону тѣла. Нарты сожгли сѣда, и не успѣли согрѣть другую сторону тѣла, и всѣ замерзли. Сосрука взялъ ихъ лошадей и всю добычу, и возвратился домой. Княгиня Сатанай съ радостью встрѣтила Сосруку, и приводили они семь дней.

5. А шмезъ.

Жилъ на свѣтѣ молодой наrtle Ашмезъ. Мать его не любила, а вотчимъ ненавидѣлъ. Плохо ему жилось дома. Однажды онъ попросилъ у матери кушанья, которое она приготовила на меду. Ничего не дала ему мать, а все отдала вотчиму Ашмезу. Разсердился Ашмезъ, вынулъ мечъ и убилъ вотчина. «И тебя, мать, слѣдовало бы убить», сказаль онъ. Но мать онъ не убиль, а осѣдила лошадь, надѣль отцовское вооруженіе и поѣхалъ куда глаза глядятъ. Пріѣхалъ въ изъ большому лѣсу. Слѣзъ съ коня, зажегъ огонь и сталъ грѣться. Увидѣли огонь наrtle Урзамесъ, Шьбатинукъ и другіе: послали узнать, кто это костеръ зажегъ. Вернулись наrtle и сказали, что это сидѣть Ашмезъ и грѣется. Пришелъ скоро самъ Ашмезъ. Узналь, что тѣль Сосрука, врагъ его отца: не захотѣлъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, и ушелъ въ лѣсъ, а оттуда въ сосѣднєе селеніе. Тамъ онъ сообщилъ, что наrtle собираются сдѣлать на него набѣгъ. Селе-

*). Джеугагъ — странствующій пѣвецъ.

віе было спасено отъ разграбленія. Пригласилъ Ашмезъ съ собою бхать Урзамеса. Но дали они въ то мѣсто, гдѣ когда-то былъ убитъ его отецъ. Видать: насторожилъ табунъ златогривыхъ коней. Хотѣли отбить его: хозяинъ не дать. Ашмезъ поручилъ Урзамесу отбить лошадей, а самъ "сталъ сражаться съ хозяиномъ табуна. Долго они сидѣли, всѣ стрѣлы выпустили, сабли по рукамъ изрубили. Три для бились они, настанецъ Ашмезъ былъ убитъ. Нарть взяла трупъ Ашмеза, привезъ домой" прикрылъ соломой и легъ спать. Жена вышла въ поле, смотрѣть: въ соломѣ будо огонь свѣтится. Открыла она тѣло Ашмеза, положила ему на грудь оселокъ, и партъ воскресъ. Пригласила она его къ себѣ въ домъ, а сама пошла впередъ. Му проснулся и сказалъ: «Я видѣлъ сейчасъ во снѣ, что Ашмезъ воскресъ и падъ сюда». Жена сказала: «Ты, вѣро, съ ума сошелъ. Спи себѣ спокойно». Заснула партъ. Но скоро опять проснулся и говорить: «Видѣлъ я сейчасъ во снѣ, что Ашмезъ въ сѣни входитъ». — «Спи спокойно: никого нѣть», сказала опять жена. Заснула партъ и, когда въ третій разъ проснулся, Ашмезъ стоялъ передъ нимъ. Отрусила ей Ашмезъ голову, взялъ съ собою все его добро, женоу и поѣхалъ домой.

6. Хѣмышоко-Петерезъ.

Было Хѣмышоко-Петерезу отъ рожденія шесть мѣсяцевъ, когда однажды его мамки спелекали и положили въ колыбель и привизали, чтобы не выпалъ изъ нея. Петерезъ потинулся, разорвалъ пугти, поднялся изъ колыбели и сталъ ходить. Женщины испугались и сказали: «Это не къ добру, что Петерезъ такъ рано стала ходить». Когда Петерезу было десять лѣтъ, сѣль онъ на коня. «Куда ты поѣдешь?» спросила у него мать. «Поѣду на реку Инджиджъ купать коня». Такъ онъ сказалъ и поѣхалъ на реку Инджиджъ. Близъ реки тѣ услышали крики о помощи. Онъ сказалъ: «Если я не явлюсь на помощь, моему отцу не будетъ за миромъ чани». Поѣхалъ онъ на крикъ и увидѣлъ сходку нартовъ, о чемъ-то спорящихъ и кричащихъ. «Что вы тутъ дѣлаете? о чемъ кричите? о чемъ спорите?» спросилъ онъ. — «Маль ты еще, чтобы знать объ этомъ», сѣчили ему нарты. Разсердился Хѣмышоко-Петерезъ: направилъ на нартовъ своего коня и сталъ ихъ топтать: бросили нарты оружіе, бурки и пустились бѣжать. Когда онъ успокоился, они попросили его ехать съ лошади и рассказали ему про свое горе: они стояли теперь лагеремъ подъ стѣнами крѣпости Дундукаль, но не могли ее взять: ровъ былъ саженей глубинъ, а стѣны семи саженей высоты. «Очень жалко насть», сказали нарты: «мы и послали за народомъ». Гакъ сказали они мальчику. Подѣхалъ Хѣмышоко-Петерезъ къ крѣпости, осмотрѣлъ ее и сказалъ: «Падайтесь на меня: я скажу, что нужно. А теперь подымите меня, раскажайте и бросьте тѣ крѣпость». Раскачали его нарты и высоко бросили вверхъ: упалъ за стѣну Хѣмышоко-Петерезъ, и никто его не далъ: была полночь. Петерезъ отворилъ ворота, и внустилъ нартовъ. Разграбили городъ нарты, набрали мнѣ добра казны. Когда наступиль сро дѣлить добычу, они отказались выдать Хѣмышоко-Петерезу его часть. Хѣмышоко-Петерезъ сказалъ имъ: «Не хотите добромъ отдать, такъ я вамъ буду мстить. Отому за смерть отца своего, котораго вы убили, съ лицу и за Дундукаль».

одумали-подумали нарты, и спросили у него: «Что же ты хочешь за ровъ отца?» — «Хочу, чтобы вы выстроили лѣстницу до неба; хочу, чтобы вы достали мнѣ средство по-году такой, какую захоту; выдайте мнѣ сорокъ молодыхъ нартовъ, которыхъ я убью за смерть отца; выдайте мнѣ сорокъ самыхъ красивыхъ девушки; дѣлайте мнѣ изъ масла шашлыкъ, пaberите полную сѣть воды, — тогда я съ вами мирюсь». Долго думали нарты, — ничего не могли придумать, и рѣшили возвратить ему его долю добычи, а въ честь его пѣвцы сложили пѣснь.

VIII.

Политическое устройство Абадзехіа. Хабль, исухо. Сословія: уоркъ, тльфокотль, ишитль, азать. Народныхъ собраній — за-уча. Зарожденіе идеи национального единства. Вліяніе наинбокъ Шамиля. Союзный договоръ (десфер) 1841 года. Магометъ-Аланъ и мякакемъ. Судъ по шаріату въ по анату. Кровная месть.

Отношенія между сословіями у абадзеховъ, начавшихъ позже другихъ черкесскихъ племенъ жить государственною жизнью, если только можно назвать государствомъ союзъ (бл҃жна) семи обществъ (хабль), были гораздо проще, чѣмъ у соседнихъ бжедуховъ или кабардинцевъ. Никто изъ потомковъ семи родоначальниковъ первонаселенниковъ долины Тубе не возвысился до званія ишанъ (князя), и всѣ они оставались уорками (дворянами). Число послѣднихъ значительно увеличилось, когда впослѣдствіи къ абадзехамъ стали прибывать бѣглецы изъ Кабарды, Ногая, Крыма. Абадзехские уорки были нѣсколькихъ степеней: уорки,

такъ сказать, первого класса—*тльфокотль* или *тлько-тъяжъ*; уорки второго класса, которые назывались *тль-фокотль*, жили вблизи жилищ уорковъ не яго класса и были въ весьма призрачной связи съ уорками: тль-фокотль можно назвать скорѣе свободными землепашцами, полукрестьянами, полудворянами; по рассказамъ стариковъ, некоторые роды тльфокотль възвысились до сте ни первоклассныхъ уорковъ. Тльфокотли были потомками пришельцевъ свободныхъ воиновъ, приселившихся къ обществамъ первонаселенниковъ Абадзехіи. Классъ же пшитлей (пшитль—несвободный крестьянинъ) явился результатомъ завоеванія и покуки пшѣнныхъ или ихъ потомковъ; дочь пшитля, выданна замужъ за пришельца, чмѣла дѣтей несвободного состоянія. Кромѣ этихъ классовъ у абадзеховъ существовалъ довольно многочисленный классъ вольноотпущенниковъ (*азатъ*).

Уоркскія фамиліи у абадзеховъ были слѣдующія: Едыгѣ, Біукъ, Тлишъ, Цей, Ашенегъ-Косистъ, Кубе, Кобъ. Баронъ Сталь*) называетъ еще слѣдующія выдающіяся абадзехскія фамиліи: Джабатыръ, Аджи-Клажъ, Унароко, Хатко, Аджимоко, Жандауръ, Баго Бейзруко, Берзекъ, Хатхакумуко, Азаметъ, Атухо. Однако, некоторые изъ нихъ, напр. Аджимоко (нынѣ Гаджемуковы), едва ли абадзехскія.

Уоркъ жилъ съ своимъ семействомъ въ аулѣ, населенномъ тльфокотлями, пшитлями и азатами; тльфокотли состояли въ номинальномъ подчиненіи уорку: они ходили съ нимъ на войну, помогали уорку материально, напр., въ собираніи пени за убийство; послѣдній же обязанъ, въ свою очередь, быть защищать тльфокотля, надѣлать его скотомъ и кормить во время голода. У абадзеховъ и въ шапсуговъ, по словамъ бар. Стала **), уорки имѣли меныше значение, чмѣль уорки уѣlementъ, имѣвшихъ пши (князей). Въ абадзехскихъ общинахъ (исухо), не имѣвшихъ уорковъ, народъ избиралъ себѣ старшинъ и управлялся самосто-
тельно.

Тльфокотль не бѣлъ прибрѣзентъ къ землѣ, но имѣть право свободнаго перехода въ другое общество; при этомъ онъ долженъ былъ возвратить прежнему своему покровителю подаренный ему *уоркъ-тынъ* (подарки уорка) ***). Тльфокотль имѣть право

владѣть рабами (пшитл.); при чемъ некоторые тльфокотли, благодаря даровымъ рукамъ, были богаче уорковъ. По обычному праву абадзеховъ, половина труда пшитля принадлежала его хозяину. Послѣдній имѣть право иrodать или подарить все семейство крестьянина, но продажа семейства въ «здробленіе въ разные руки не принята по обычая», пишетъ бар. Сталь. «Всѣ крестьяне (пшитли) имѣютъ оружіе и владѣютъ имъ такъ же, какъ и дворяне. Положеніе ихъ не такъ тяжело, и обиженные крестьяне могутъ удалиться въ другому владѣльцу» и просить его по-просительства. Бывали (рѣдкіе, «трочемъ») примѣры миенія обиженныхъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Бѣгство крестьянъ къ вамъ оченъ рѣдко случается; все, что крестьянина имѣть, все, что онъ себѣ взялъ, составитъ его неотъемлемую собственность. Если владѣлецъ продааетъ крестьянина съ семействомъ другому владѣльцу, то все имущество крестьянина, какъ-то: домашній скотъ лошади, остается собственностью прежнаго владѣльца, исключая, впрочемъ, одѣжды и домашней рухляди. Покупаю ій семейство крестьянина можетъ кунить у владѣльца весь скотъ крестьянина. Въ случаѣ смерти крестьянина, имущество его дѣлать его дѣти, и владѣлецъ въ это не вмѣшивается*).

Абадзехскіе дворяне (уоркъ), за рѣдкими исключеніями, не пользовались вліяніемъ дальше своей общины (исухо). Только влиятельная фамилія уорковъ Едыгѣ, жившая въ обществахъ (хабль) Тубе, Темъ-даши, Джанкотъ-хабль, имѣла особенный вѣсъ: ее и понынѣ абадзехскіе старшины ставятъ на первомъ мѣстѣ при перечислении знаменитыхъ уоркскіхъ фамилій. Родоначальникъ фамиліи Едыгѣ, по преданию, былъ татарскаго происхожденія: по словамъ одного сказания, выходецъ изъ Крыма; явился въ Абадзехію вмѣстѣ съ Цеемъ; послѣдній былъ у него подручнымъ. Впослѣдствіи вокругъ Едыгѣ собралась значительная и сильная община, всѣ члены которой получили ими Едыгѣ. Аналогическое образование общинъ совершилось и въ другихъ мѣстахъ Абадзехіи послѣ того, какъ усилившіеся пеопаселенники долины Тубе спускались ниже по ущельямъ Бѣлой, Пшехи, Пшиша и Псекупса. Уорки зарождались, кроме того, слѣдующимъ образомъ: какой-нибудь уадеци изъ сосѣднаго племени съ шайкою товарищей садился гдѣ-нибудь на землю и налагалъ на окрестныхъ жителей

*) Ibid., 151.

**) «Кавк. Сборн.», XXI, стр. 87.

***) Ibid., стр. 150.

****) Ibid., 150.

дань. Эта дань и устанавливала дальнейший отношений между уоркемъ и тльфоготами или шитлями.

Судя по некоторымъ преданиямъ о столетовеніяхъ между уорками и народомъ, мы должны допустить стремление абадзехскихъ уорковъ достигнуть знатій въ положеніи пини (клизей), существовавшихъ у бжедуховъ, темиргоецевъ, бесленеевцевъ, караидцемъ и некоторыхъ другихъ адыгейскихъ племенъ. Однако, свидѣтельства абадзехскихъ стариковъ указываютъ, что демократическое начало у абадзеховъ было достаточно сильно для того, чтобы уорки уорковъ остались тщетными: общины управлялись сами собой.

Нельзя, однако, признать, чтобы идея государства единства имѣла большое развитіе у абадзеховъ. Это былъ народъ, едва вышедший изъ семейного быта. Община (*исухо*), состоявшая, въ большинствѣ случаевъ, изъ разросшагося рода, распавшагося на семьи, принимавшія къ себѣ и пришельцевъ, являлась главной политической единицей, вполнѣ независимой отъ такой же единицы; связью между ними были дружба, союзъ, родство. Несколько небольшихъ поселений, кѣриче, хуторовъ (иногда до десяти) и составляли *исухо*. Каждое *исухо* управлялось своею мірскою сходкою *за-уча*, на которой обсуждались и решались всѣ вопросы общины. На мірской сходѣ прямымъ образомъ участвовали всѣ дворянѣ общины, особенно большими влияніемъользовались голоса почетныхъ старшинъ (*томама*) изъ знатныхъ уорковъ. Крестьяне присутствовали на *за-уче*, но права голоса не имѣли. У абадзеховъ самые знатные уорки (тлахо-тлижъ) съ текучіемъ времени утратили авторитетъ даже на этихъ частныхъ соораніяхъ.

Большой толчокъ къ сплоченію отдѣльныхъ *исухо*, хаблей въ тѣсные отдѣльные союзы, а вслѣдствіи въ общей абадзехской союзъ дала борьба съ адыгами. Земельные вопросы, вопросы о войнѣ и мирѣ, улаживание споровъ между отдѣльными *исухо*, хаблями были предметами обсужденія на общенародномъ *за-уче*. Эти *за-уче*, продолжавшіяся иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, какъ, напримѣръ, *за-уче* 1841 года на Шихѣ, давали возможность передовымъ людямъ каждого общества обмѣняться мыслями. Преданія сохранили имена некоторыхъ народныхъ ораторовъ—Ташава Дунакай, Зеккерин Хатукова; такие ораторы назывались «языкомъ народа»—*тле-убзыгъ*. Однако, и эти общія народныя собрания имѣли характеръ скорѣе совѣщательный, нежели законо-

дательный. Только слѣдѣтельности наимѣстъ Шамиля Хаджи-Магомета и Магометъ-Амина рѣшенія народныхъ собраний приворѣли характеръ закона, какъ, напримѣръ, въ 1841 году, когда было выработано «кодексъ правилъ», имѣвшій цѣлью урегулировать политическую жизнь народа, его вѣщную и вину, иною безопасность. Результатомъ народнаго собрания 1841 года было учрежденіе пяти народныхъ судовъ (*макеме*). Въпослѣдствіи, въ 1848 году Магометъ-Ачишъ, посланный Шамилемъ къ абадзехамъ, которые, по словамъ Шамиля, его просили о принятии наимба **), значительно упорядочилъ эти «макеме». Магометъ-Аминъ принялъ весьма дѣятельно за реформу абадзехскихъ народныхъ установлений. Онь здѣшилъ народъ на общины, по 100 зворъ въ каждой; управлялись онѣ избранными въ родомъ старшинами. Всѣ общины составили четыре округа; въ каждотѣ изъ нихъ было центральное управление, носившее название «мягкеме». Это было цѣлый поселокъ въ каждомъ «мягкеме» находились мечеть, сѣль, духовное училище, яма для заключенія преступниковъ и противъ эъ низкою порядка членъ, помѣщенія для муфтія и трехъ каденъ, управлявшихъ и судившихъ въ своемъ округѣ, помѣщеніе для конной стражи (муртазаконъ), провантскій магазинъ, конюшни. Все «мягкеме» было обнесено валомъ и рвомъ.

*) Абадзехи, убыхи и еще нѣсколько береговыхъ мелкихъ племенъ заключили соглашеніе, по которому эти племена обязывались помочь другъ другу при вѣнчайшей опасности и заботиться обѣ упорядоченіи политического строя жизни. Баронъ Сталь (стр. 166) приводитъ слѣдующій текстъ этого договора 1841 г. (дефтеръ): «Слава Богу, который насъ сотворилъ и показалъ намъ свое величие, возвысившисъ наше надъ другими животными. Слава Богу, который намъ далъ всѣ средства жить счастливо на этомъ свѣтѣ и получить награду въ другомъ мірѣ; указавшему намъ истинный путь спасенія, иѣру истинную свою, черезъ пророка своего и посланника Магомета. Слава Богу, который есть нашъ защитникъ и спаситель въ день воскресенія. Мы хотимъ помочь всѣмъ неустроившимъ нашего края и не дѣлать зла другъ другу.

1. Наша первая обязанность есть рогое выполнение шариата. Всѣкое другое ученіе должно быть оставлено и отвергнуто, всѣ преступленія должны быть судимы не иначе, какъ по этой книгѣ (т. е. по корану).

2. Никто изъ насъ не долженъ ити къ первѣнству; дружескія сношения съ ними строго запрещаются, и потому всякий мвръ, всякое предложеніе съ ихъ стороны должны быть постоянно отвергаемы. Кроме того не позволяетъ покупать что бы то ни было въ ихъ укрѣпленныхъ, которыхъ стоять на нашей землѣ, и каждый, виновный въ этомъ,

**) Н. Барлагофъ. «Магометъ-Аминъ», стр. 84.

Всѣ служащіе въ иезу содергались на счетъ на юда *). «Магамет» были на Бѣлой, Ишхѣ, Ишишѣ и Псекунѣ. Судъ у абадзеховъ издревле производился по обычая. Хъ съ слушалъ тяжущихся, заставлялъ ихъ клятись и постановлялъ рѣшеніе, которое безпрекословно и принималось тяжущимися. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія аланскій губернаторъ Гассанъ-паша упорно принался за насажденіе у ближайшихъ къ Аланѣ именъ натухайцевъ (*натх-коаджъ*) и шансуговъ судъ по корану (*шаріатъ*). Чиркесы оказали спачала Гассану-пашѣ сопротивленіе, но затѣмъ мало-по-малу, подъ давленіемъ эфенди и муллъ, стали судить и по шаріату, при чёмъ параллельно судъ производился и по адату, по обычному праву. Абадзеи до 50-хъ годовъ не могли забыть суда по адату, который былъ гуманиѣ суда по шаріату. По послѣднему, въ рѣ. виновнаго можно было сѣчь, побивать каменьями, сбрасывать съ кручи,топить въ мѣнѣкѣ (особенно за убийство родителей), застрѣливать. По адату же виновный платилъ штрафомъ: за убийство уорка, наир., платилось 300 коронъ, а тльфокотля — 200. По обычая, преступникъ прибѣгъ къ платить штрафъ въ 30 тумановъ (300 рублей). Тѣ, которые будутъ нуждаться въ покупкѣ вещей, должны ихъ доставать на границѣ (на мѣновыхъ дворахъ въ Черноморіи).

3. Никто не долженъ сидѣть предупреждѣніемъ русскихъ каждый разъ, когда будетъ у насть собрапіе войскъ для набѣга. Кто доиссетъ (какъ только этотъ доводъ обратится во вредъ намъ), долженъ заплатить за кровь, — если вольный, то 200 коровъ, если крестьянинъ, то 100 коровъ; кроме того заплатить штрафъ въ 30 тумановъ. Тѣ, которые перейдутъ къ русскимъ и служить имъ будутъ, какъ враги своего края, не будутъ имѣть ни они, ни ихъ родные никакого права на наше состраданіе.

4. Если хаджреть (бѣглый, бывшій раньше «мирнымъ») явится въ нашу землю, его особа священни; тотъ, который силою или хитростью отнимаетъ у хаджрета что нибудь, заплатить штрафъ, называемый нами за всякое воровство.

5. Когда народъ мусульманскій придетъ на нашу землю, чтобы раздѣлить намѣренія черкесскаго народа противъ общаго врага, то мы обязываемся обращаться съ этимъ народомъ дружески, и если нужно будетъ для устраненія всякаго недогрѣха, то дать этому народу дѣтей нашихъ въ аманатъ.

6. Внутренность каждого жилья будетъ ненарушима; кто сотворить воровство въ чужомъ домѣ, заплатить, кроме штрафа въ 30 тумановъ, еще пено въ 7 тумановъ. Если русскій бѣглый сдѣлаетъ воровство, то онъ платить только тройную ценность украденой вещи, но штрафа не платить*.

*). Н. Карлгоффъ. «Магометъ-Аминъ», стр. 85.

урку и просить его защитить, и уоркъ платить за него виру. Въ свою очередь, вся «псуко» платила виру за своего уорка. Кровомщеніе было въ большій силѣ до суда по шаріату. Чеческій кровомщеніе отличалось своею зестостью и продолжительностью: зачастую кровомщенія тянулись три-четыре поколѣнія. Иногда казалось, роды примирились; но, по прошествіи иѣ-котораго времени, старинная вражда вновь возгоралась, и кровь лилась съ обѣихъ сторонъ: не шади съ даже дѣти, которыхъ или убивали или вредили убыхамъ, въ свою очередь непроправдавшимъ ихъ въ Турцию. Нѣкоторыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ вывали даже сами родственники, не желая платиться за кровавый прихоти абрека. Су-ствоваль обычай, называемый научижъ: виновный въ убийствахъ иногда, наскучивъ преслѣдованиемъ или раскаявшись, являлся къ семье убитаго съ извиненіемъ. Его тора ственио вели за аулъ. Привязывали къ дереву; наладчъ являлась или мать убитаго или ближайший родственникъ. Иногда прощали убийцу; но подобные случаи наблюдались очень рѣдко. Абадзеи, вообще, смертной казни не любили: существуетъ даже передавающее полк. Каменевымъ **) абадзехское преданіе, что пещера, выдолблена въ пещаниковой скалѣ въ мѣстечкѣ Горячій-Ключъ (близъ которого было мякеме, учрежденное Магометъ-Аминомъ), служила средствомъ для бѣгства преступниковъ, осужденныхъ на казнь. Преступника сажали въ одну изъ этихъ пещеръ, находящуюся на значительной высотѣ, и предоставляемому уже самому изыскивать способы къ бѣгству. Существуетъ другое, противоположное предыдущему преданіе, что въ мякеме на Бѣлой, близъ Каменіаго моста, преступниковъ казнили, сбрасывая ихъ съ моста въ расщелину, въ глубинѣ которой реветъ Бѣлая **).

IX.

Исторический обзоръ борьбы абадзеховъ съ русскими. Первый периодъ — съ 1821 г. до появления Магометъ-Амина (1848 г.). Второй периодъ — деятельность Магометъ-Амина (1848—1859 гг.). Третій периодъ — послѣдняя борьба (1859—1864 г.).

Написать исторію войны русскихъ съ абадзехами — значитъ написать исторію завоеванія Западнаго Кавказа, ибо рѣдкое изъ столкновеній русскихъ съ закубанцами, начиная Карабасемъ и кончая натухайцами, обходилось безъ участія то фарескихъ аба-

*) «Куб. Обл. Вѣд.» 1864, 32.

**) Дроздовъ. «Покореніе Западнаго Кавказа», стр. 427. «Кавказскій Сборникъ», 1877 г.

дзеховъ, то схагуашкихъ, то ишхескіхъ, ишишскихъ, исекунескихъ. Поэтому предлагаю здѣсь краткій перечень главнѣйшихъ боевыхъ событій на Западномъ Кавказѣ, въ которыхъ принимали участіе абадзеи.

Въ 1824 году, 8 марта, Кацыреву, помощнику Вельяминова въ охраненіи праваго фланга, донесли, что на Бѣлой собирается многочисленное скопище черкесовъ: они рѣшили прекратить его поступательное движение, и съ этой цѣлью предирчилъ туда движение съ ширванцами, съ линей. ами казаками и пятью конными орудіями. У рѣки, которая широко разлилась, произошла встреча съ абадзеями, густою массою занявшими опушку лѣса на противоположномъ берегу рѣки и открывшими оживленную перестрѣлку. Ширванцы и оружи отогнали черкесовъ отъ рѣки. Линейцы съ маюромъ Дадымовымъ, известнымъ всѣмъ горцамъ своею неустрашимостью, вплавь переправились черезъ Бѣлую, соожгли сѣдній аулъ, перегнали на другую сторону рѣки около двухсотъ гол.ъ рог. того скота. Кацыревъ съ триумфомъ вернулся на «линію». Въ октябрѣ того же года конная партія около восьмисотъ человѣкъ, состоявшая изъ бѣглыхъ кабардинцевъ и абадзеевъ, подъ начальствомъ известнаго въ горахъ наѣздника темиргоевскаго князя Джембулатъ Айтекъ-Болотокъ, двигалась изъ бассейна Лабы въ Кабарду, чтобы увести оттуда мирные аулы. Близъ деревни Сабль Джембулатъ отбилъ табунъ лошадей числомъ около трехъ тысячъ. Поганцы попытались было его отбить, но были окружены абадзеями. Казачья команда есаула Попова поспѣшила имъ на выручку, но была также окружена на берегу р. Барсуклы. Казаки, около двадцати пяти человѣкъ, геройски защищались, но въ концѣ концовъ все были изрублены абадзеями. Джембулатъ съ богатою добычею скончался отступивъ въ горы. Полковникъ Побѣдитель и полковникъ Исаевъ такъ характеризованы Вельяминовымъ, «краснымъ генераломъ», какъ его называли черкесы и кабардинцы, часто испытывавшіе на себѣ тяжелую руку этого по-истинѣ желѣзного человѣка: «уклоненіе войска донского полковника Побѣдителя отъ сраженія (съ Джембулатомъ) не позволяетъ имѣть къ нему ни малѣйшаго довѣрія, а потому кордонъ, состояцій подъ его начальствомъ, поручается командиру кубанскаго казачьаго полка подполковнику Степановскому. Не болѣе похвали заслуживаютъ и дѣйствія полковника Исаева, который употребилъ все искусство, чтобы не встрѣтиться съ непріятелемъ. Подобныя дѣйствія также не внушаютъ довѣрен-

ности, и кордонъ, находящійся подъ его начальствомъ, поручается войску донскому военному старшинѣ Грекову 14-му» *).

Въ юнѣ 1825 года Вельяминовъ уже двигался къ мѣсту сѣянія Кутжинса съ Бѣлой, отражая нападенія абадзеевъ и обозъ. Цѣлью экспедиціи было истребленіе аула абадзехскаго урка Хаджи Тляма. Ставили лагерь на мѣстѣ нынѣшнаго города Майкона **), Вельяминовъ заложилъ здѣсь укрѣпленіе, и въ августѣ, при долѣ упорное сопротивленіе абадзеевъ, сжегъ аулъ. Отступая, иль потерявъ болѣе за тридцать человѣкъ убитыми и ранеными. Здѣсь было убить знаменитый Дадымовъ. Абадзеи въ конномъ и пѣшемъ строю гдѣ князя атаковали войска. Однако, эти нападенія не помѣшили отряду истребить огнемъ все окрестны аулы.

Въ 1829 году Адана была взята; но турки не хотѣли успокоиться, и послали Гассана-шану поднять черкесовъ и обрушиться на «линію», но во-время принятаго мѣры, выразившейся, главнымъ образомъ, въ собредоточеніи на черноморской и кавказской линіяхъ большого числа войскъ, остановили движеніе турокъ; однажды, вынесуномянутый Джембулатъ Айтекъ-Болотокъ продолжалъ свои набѣги на линію, и вынудилъ генерала Г. А. Оумануэля, покорителя Карачая (1828 г.), наказать горцевъ, и онъ разгромилъ бѣглыхъ кабардинцевъ, бесславно погибъ, темиргоевцевъ и абадзеевъ; черкесы понесли большия потери. Бассейнъ обопѣхъ Зеленчуковъ, обѣихъ Лабъ, Бѣлой до Сурджинса былъ иредант огню и мечу. Дѣйсти десять деревень, огромные запасы хлѣба и сѣна уничтожены, захвачено много скота. Абадзеи были доведены, но словомъ бар. Стамя, до такой крайности, что за сѣѣстные прінасы промѣнивали у насть табуны, стада и предлагали на мѣну своихъ дѣтей ***).

Въ 1841 году, послѣ битвы на Фарсѣ со скопищемъ горцевъ, преимущественно абадзеевъ и темиргоевцевъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Ташава Хаджи Дунакая, генераль Засесь рѣшилъ «линію» съ Кубани перенести на Лабу: эта линія была

*) В. Потто. «Кавк. война», т. II, 548.

**) Майконъ (собѣст. Меконъ), собственно, есть небольшая рѣчка, впадающая въ 15 verstахъ выше города въ Бѣлую. Поляна Меконъ (откуда русская передѣлка «Майконъ»), по преданию, была впервые занята русскимъ укрѣпленіемъ, которое впослѣдствіи было перенесено на мѣсто нынѣшнаго Майкона. Такъ мнѣ передавали абадзеи.

***) «Кавк. Сборн.», XXI, 164.

ограждена укреплениями Стогскимъ, Махошевскимъ и Темиргоевскимъ. Эта мѣра отодвинула абадзеховъ къ верховьямъ Бѣлой, Ходза, Псефира, Фарса: съ другой стороны, она побудила идею единства черкесскихъ племенъ и вызвала вышеприведенный «дефтеръ» 1811 года. Эта же идея заставила абадзеховъ обратиться къ Шамилю съ просьбою прислать имъ наиба. Шамиль послалъ Хаджи-Магомета въ 1842 году. Наибъ произвелъ рядъ набѣговъ на лабинскую и зеленчукскую линіи, но вскорѣ погибъ, и въ 1845 году Амиль прислалъ другого наиба, Солимана-эфенди. Но онъ не оправдалъ возлагавшихъ на него всѣми черкесами боевыхъ надеждъ, и въ томъ же году уѣхалъ обратно въ Чечню. Оставшись безъ главы, горцы притихли: нѣсколькіе племенъ даже покорилось. Наконецъ, лѣтомъ 1846 г. четыре абадзехскія общества, Тубе, Темъ-даши, Джат-отъ-хабль и Дауръ-хабль, заключили съ нами первый мирный договоръ *).

Осенью 1847 года абадзехи отложились и собрались на горѣ Ненсехи (Кунакъ-тау) въ большую партію; но это сборище, не имѣя руко. дите, и не умѣя выработать опредѣленного плана, разошлось, ничего не сдѣлавъ. Для острастки абадзеховъ къ нимъ было сдѣлано три набѣга (4 ноября, 14 декабря 1847 года и 10 февраля 1848 г.), много сѣна и хлѣба было сожжено, взято шестьдесят человѣкъ пленныхъ и много «баранъ» **).

Въ концѣ 1848 г. къ абадзехамъ прибылъ замѣчательный по уму и настойчивости человѣкъ, въ теченіе десяти лѣтъ привнесший немало тревогъ русскимъ и проливший немало крови, стражася за идею юрисдикціи и за самостоятельность черкесскихъ племенъ: это былъ Магометъ-Аминъ (Эминъ), наибъ Шамиля ***).

Родился онъ около 1818 г. въ Дагестанѣ. Семнадцати лѣтъ уже въ числѣ мюридовъ Шамиля. Послѣдній въ бесѣдахъ своихъ въ Калугѣ разъяснялъ, что абадзехи присыпали къ нему депутацию съ просьбою о назначеніи къ нимъ наиба; что никто изъ его лучшихъ наибовъ не согласился на его предложеніе принять этотъ отдаленный постъ, и что Магометъ-Аминъ самъ вызвался отираться къ абадзехамъ. Новый наибъ рѣшилъ сначала сплотить разрозненные многочисленныя адыгейскія племена, организовать внутренний порядокъ, создать своего рода войска, прі-

*) Бар. Сталь, «Кавк. Сборн.», XXI, 169.

**) Ibid., 170.

***) Нижеслѣдующій очеркъ его жизни и дѣятельности составленъ по статьѣ И. Карлгофа: «Магометъ-Аминъ».

обрѣсти артиллерию, и тогда только выступить противъ русскихъ. Что онъ сдѣлалъ для организации внутренней жизни племенъ, сказано выше. Что касается военнаго дѣла, оно было организовано слѣдующимъ образомъ: каждый дворъ обязанъ быть выставляемъ по одному всаднику; очередные всадники не имѣя права отлучаться изъ аула безъ дозволенія и должны были являться на сборные пункты по первому призыву. Иногда же призывалось половинное ополченіе. Этія у горцевъ было достаточно чило пушекъ, однако подвижныхъ орудій у Магометъ-Амина было только два.

Весною 1849 г. наибъ подчинилъ своей власти съ помощью абадзехскаго ополченія махошевцевъ, егерукаевцевъ, темиргоевцевъ и хатукаевцевъ. Дальнѣйшія его дѣйствія были остановлены отрядомъ генераль-майора Евдокимова (вногодѣстствіи графъ); однако, онъ успѣлъ увлечь за собою урупскихъ кабардинцевъ.

Весною 1850 г. наибъ увлекъ большую часть бжедуховъ; другому его отряду удалось увлечь за собою оставшихся темиргоевцевъ. Слѣдующій печальный случай чного способствовалъ быстрому усилившейся популярности Амина, искусно миразнаго шарить съ адатомъ. Дѣлъ новомарьевскія казачьи сотнишли къ Шелохскому посту **) на Б. Лабѣ на сѣмѣю находившагося тамъ отряда. Недалеко отъ поста онъ былъ окружены многочисленнымъ полчищемъ абадзеховъ Амина. Сбивши, въ лощинѣ, какъ отстрѣливались отъ насѣдавшихъ горцевъ, пока хватило пуль, и затѣмъ въ рукою схватѣ всѣ погибли, изрубленные въ кости. Тревога, поднятая по всей лабинской линіи, заставила Амина отступить за Лабу. Въ октябрѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ увести въ горы башнаевцевъ и съ Зеленчукомъ бѣглыхъ кабардинцевъ, нападъ на станицы Владимирускую и Вознесенскую и на пость Куксинский, но былъ отбитъ.

Лѣтомъ 1850 года Магометъ-Аминъ со своими абадзехами двинулъся противъ шапсуговъ, не чдавшихъ признать его власти: послѣ незначительного сраженія, не рѣшившаго побѣды, шапсуги присягнули наибу. Большая часть натухайцевъ тоже признала его власть. Въ концѣ года онъ уже вводилъ у бѣховъ свое управление. Однако, послѣднія доказали, что власть наиба у тѣхъ быстро покорившихъ племенъ была очень шаткая: большая часть натухайцевъ отложилась отъ него; въ 1851 г. ихъ примѣру

*) Между станицами Отважной и Ахметовской.

послѣдовали иѣкоторыи шапсугскія общества. Особенно постройка на абадзехской территории Бѣлорѣченского уѣзда уменьшила наданіе Аміна: она показала безсиліе наiba остановить поступъ сильное движение нашихъ войскъ. Послѣдствіемъ этой постройки было добровольное возвращеніе темиргоецевъ; да же часть абадзеховъ вошла въ сношенія съ русскими и донустила произвести съемку мѣстности вдоль р. Бѣлої до Майкопскаго ущелья. Слѣдующая неудача усъдила его наденіе: съ сильнымъ отрядомъ онъ бросился на Урупъ, чтобы переселить въ горы бесленеевцевъ съ изъчеваго мѣстожительства при устьѣ Урупа въ горы. Отброшенный настигнимъ его Евдокимовымъ, Аминъ налетѣлъ на кавалерійскій отрядъ князя Эристова близъ знаменитыхъ Джелтимесскихъ высотъ, и былъ разбитъ на лову. Тотчасъ же большинство присягнувшихъ ему племень отшло отъ него. Въ декабрѣ даже большая часть абадзехскихъ обществъ прислала въ Прочный-Оконо депутацию изъ двухсотъ человѣкъ для мирныхъ переговоровъ.

Магометъ-Аминъ принужденъ былъ искать убѣжища у вѣрныхъ ему чеченскихъ абадзеховъ. Однако, умная рѣчь, сказанная имъ на народномъ собраниіи и обѣщавшая въ скоромъ времени помочь Турціи, снова привлекла къ нему умы впечатлительныхъ горцевъ: абадзехи ему опять подчинились, убыхи звали къ себѣ, шапсуги и натухайцы колебались. Къ веснѣ 1853 г. онъ сдѣлался опять главнокомандующимъ почти всѣхъ черкесскихъ племенъ. Въ маѣ онъ попытался прорваться въ Карачай, но былъ отброшенъ Евдокимовымъ.

Вскорѣ пролетѣ Сеферъ-бей Зана, покровительствуемаго Турціей, заставили его временно отказаться отъ активнаго участія въ дѣлахъ, причемъ онъ объяснилъ абадзехамъ, очень его любившимъ, что, по порученію султана, долженъ передать свою власть Сеферъ-бею. Абадзехи сначала признали своимъ главою послѣдняго, но вслѣдствіе его бездѣятельности вскорѣ отвергли его и избрали своимъ начальникомъ наiba. Магометъ-Аминъ съ партіей абадзеховъ тотчасъ же прошелся въ Карачай, заставилъ карачаевцевъ присягнуть себѣ; около Кисловодска уничтожилъ транспортъ съ прикрытиемъ изъ семидесяти человѣкъ, но, разбитый генераломъ Коцовскимъ, принужденъ былъ вернуться въ Абадзехію.

Въ 1856 году произошелъ интересный поединокъ между Сеферъ-беемъ, шапсугами и натухайдами, съ одной стороны, и

Магометъ-Аминомъ, съ абадзехами, съ другой. Послѣ небольшой перестрѣлки, въ которой было убито и ранено съ той и съ другой стороны по пѣсъ лѣко человѣкъ, старшины рѣшили дѣло такъ: обоимъ претендентамъ на постъ главнокомандующаго всѣхъ адигейскихъ скопищъ отправиться въ Константинополь на судъ Порты. Оба согласились на рѣшеніе и дали клятву исполнить желаніе старшинъ. Аминъ исполнилъ свое обѣщаніе, и былъ арестованъ въ Константинополѣ, по настоянію нашего посольства, и сосланъ въ Дамаскъ. Сеферъ-бей же уклонился отъ исполненія своего обѣщанія. Въ концѣ 1857 года бѣжавшій изъ ссылки Аминъ былъ снова у абадзеховъ, но дальнѣйшія его наступательные пропаганды были парализованы постройкою укрѣченія Майкопа и Хамкетовъ, что заставило окрестныя общества покориться нашей власти. Магометъ-Аминъ потерялъ надежду на усиѣхъ своего дѣла, и 20 ноября 1859 г. торжественно присягнулъ съ абадзехами на подданство Россіи.

Умѣть Магометъ-Аминъ въ Турціи въ 1899 году, до смерти ежегодно получая отъ русскаго правительства пенсію въ десять тысячъ рублей.

Съ наденіемъ восточнаго Кавказа вниманіе русскихъ сосредоточилось, преимущественно съ 1861 г., исключительно на западномъ Кавказѣ. Евдокимовъ быстро закончилъ устройство станицъ между Лабой и Бѣлої, лѣса прорѣзались прѣками, что заставило абадзеховъ отступить еще дальше къ верховьямъ рѣкъ. Въ 1862 году послѣ ряда кровопролитныхъ стычекъ съ абадзехами, жившими по Шихѣ, Бѣлої, въ Даховскомъ ущельѣ, было занято пространство между Бѣлої, Курджинсомъ, Шешкою и Шишемъ. Съ Ходза, Псефира и Фарса было переселено на плоскость около девяноста ауловъ. Въ 1863 г. много абадзеховъ, видя безплодность борьбы съ русскими, стали выселяться на южный склонъ, а многие и въ Турцію. Въ октябрѣ 1863 г. къ Евдокимову явилась многочисленная абадзехская депутація, которая и подписала договоръ, обязывавший весь абадзехскій народъ къ 1 февраля 1864 года начать переселеніе на плоскость; прочие же должны были въ 2¹/₂-месячный срокъ покинуть предѣлы Имперіи.

Полковникъ Каменевъ, очевидецъ выселенія исекунскихъ абадзеховъ, поясняетъ объ этомъ фактѣ такъ *): «Въ сентябрѣ 1864 года наши войска, во главѣ которыхъ шелъ 74-й ставропольский полкъ, отдѣльными колоннами начали движеніе вверхъ

*). «Куб. обл. вѣд.», 1867 г., № 39.

по Иссекусу и Шебшу, и почти безъ выстрѣла заставляли абадзеховъ покидать землю предковъ. Горцы надѣясь до послѣдней минуты на помощь Турціи, че покидали ауловъ, не и крацали своего образа жизни, хоянничали, и, застигнутые врасплохъ, не имѣли возможности уничтожить богатую гетту: запасы обмолоченного хлѣба, котлы, земледѣльческія орудія они сбрасывали въ овраги минеральные ключи забивали хворостомъ я землею, воду изъ колодцахъ портили тучами павшихъ животныхъ. Одновѣкіе абадзеши, разсчитывая на возможность скрыться отъ русскихъ глазъ въ неприступныхъ трущобахъ, и че думали оставлять родину; впослѣдствіи многіе изъ нихъ погибли отъ голода, большая же часть была взята въ пленъ охотниками изъ казаковъ; только нѣсколько десятковъ, просуществовавъ въ горахъ нѣсколько лѣтъ, одичали и незамѣтно исчезли куда-то. Толпы выселенцевъ направлялись вверхъ по Иссекусу и черезъ Гойтхскій перевалъ вскальзь къ Туапсе, гдѣ ихъ ждали суда для перевозки въ Турцию. На берегу моря устроился огромный рынокъ, на которомъ продавался не только скотъ, но и рабы, скучавшіеся мирными горцами и турками; иѣны стояли внизкѣ: дѣвочки и мальчики до десяти лѣтъ продавались отъ 10 до 30 рублей, быкъ 3—5 р., корова 2—5 р. Разсказываютъ слѣдующій трогательный случай, характеризующій любовь горца къ родинѣ, къ коню и оружію: одинъ изъ абадзескихъ воиновъ, прекрасно вооруженный и «добропорядочный», въ теченіе нѣсколькихъ дней искалъ покупателя для своей лошади и оружія; наконецъ, встрѣчая вездѣ изкушенню, обратился къ русскому офицеру: тотъ предложилъ все свое серебро—около 20 рублей. Сосчитавъ деньги, абадзехъ горько улынулся, возвратилъ ихъ офицеру, затѣмъ, вскочивши на коня, бросился въ море. Долго плылъ онъ на глазахъ всего рынка, борясь съ волнами, пока не скрылся подъ водою».

Въ настоящее время абадзеши разселены во всѣмъ черкесскимъ аулахъ Екатеринодарского и Майкопскаго отдѣловъ Кубанской области, большая ихъ часть живетъ въ послѣднемъ. Къ сожалѣнію, пока не существуетъ официальныхъ сіѣдѣній о числѣ абадзеховъ, живущихъ въ Кубанской области. Но тѣмъ данимы, что намъ удалось собрать въ посѣщенныхъ лѣтомъ 1901 года аулахъ, можно предположить, что это число не превышаетъ 5000 обоего пола, т. е. въ предѣлахъ Россіи осталась десятая часть общаго числа обитателей бывшей Абадзехіи.